

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Мы из поколения двадцатых

Народная летопись
выпуск 2

Торопец
2009

От составителя

Представляемый вниманию читателей сборник стал второй книгой, изданной в рамках проекта «Народная летопись». В его основе – воспоминания простых торопчан, родившихся в начале двадцатых годов прошлого столетия. Четыре автора, четыре скромные исписанные от руки тетрадки, четыре судьбы, объединенные общей великой бедой, пришедшей на нашу землю в июне 41-го...

...Говорят, что любой человек может стать автором хотя бы одного романа, описав свою собственную жизнь. Людские судьбы неповторимы, и подчас внешне незатейливый рассказ простого человека захватывает больше, чем блестящая биография той или иной знаменитости.

Алексеева (Сивякова) Анна Анатольевна.

Мой отец Сивяков Анатолий Матвеевич родился в 1890 году, мать Сивякова Ксения Антоновна родилась в 1897 году. Бабушка, мать моей мамы, Устинина Прасковья Ермолаевна, жила в деревне Чирец Устюженского района Ленинградской области. Красивая, высокая, стройная, у ней был строгий взгляд, глаза веселые, умный разговор, ее приятно было слушать. Много всего знала, читала книги, бывала во многих городах. У Прасковьи Ермолаевны кроме моей мамы были дети Степан, Александр, Антонина, Павел, Михаил. Вторая бабушка – Анна Даниловна, в девичестве Павлушева, после замужества стала Сивяковой. Она тоже уроженка Ленинградской области, Устюженского района, деревни Лычно. Она мать моего отца, и у нее кроме папы были дети Андрей и Мария. С бабушкой Анной Даниловной мы жили и воспитывались, с ней прошло все мое детство.

Дедушек я не знаю. По рассказам моей мамы ее отец Антон Силыч Устинин был здоровым, красивым, сильным, любил семью. Служил Антон Силыч капитаном на катере, сопровождал баржи с грузом от Рыбинска на Устюжну и Ярославль. Зарабатывал он прилично, жили хорошо. Владели магазином мануфактуры, там же можно было купить белую муку, орехи, сладости. Водилось и золотишко. Оно-то и помогло, когда случилось в семье несчастье: от пожара в соседском доме загорелся дом маминых родителей. Сгорело все, осталось только золото в слитках. На него за год и выстроили новый дом, лучше того, что был. Полы были выкрашены масляной краской, все так и блестело от чистоты и порядка. Но недолго пришлось жить Антону Силычу в новом доме. Как-то на одной из стоянок в Рыбинске он вышел в город; был при деньгах, и немалых... Видели, как он стоял с двумя мужчинами, один из них ему что-то громко говорил и хлопал по плечу. На свой катер Антон Силыч больше не вернулся. 16-летний сынок Степа ждал его целую ночь, вскипятил самовар, несколько раз выбегал на палубу, кричал, звал отца. То будто ему слышался отцов голос: выбежит на палубу, а там никого, и он со слезами и страхом опять уходил в каюту. Всю ночь Степа не смыкал глаз, но отца так и не дождался. Вот так бабушка Прасковья Ермолаевна осталась вдовой с шестеркой детей; самому старшему было 17, младшему 2 года...

Второй дедушка, Матвей Сергеевич, умер по болезни. Бабушка Анна Даниловна овдовела рано. У нее осталось трое детей: два сына и дочка. Они помогали ей во всем, были очень ласковы, жалели ее, никогда не обижали грубыми словами. Бабушка гордилась своими детьми и была за них очень спокойна. Она вспоминала: бывало, пойдут гулять Андрей и Анатолий – не налюбоваться на них!.. Оба веселые, жизнерадостные, а у папы моего Анатолия была гармонь тальянка, играл он хорошо. Бабушка им: «Смотрите, ребята, в драку не попадите...». А они ей: «Что ты, мамочка, мы никогда не будем драться ни с кем». Надо сказать, что раньше в праздники молодежь всегда затевала драки: понапьются пьяные и обязательно подерутся, деревня на деревню.

В возрасте 20 лет папа был взят на военную службу во флот. Служил он на Балтийском море, шкипером на военных кораблях «Гангут» и «Громобой». Тяжелая была служба в царское время. Отслужил папа семь лет и ни разу не был дома. В 1917 году вернулся, порадовал мать, что прибыл жив-здоров. Брат Андрей был уже женат и отделился, сестра Мария замужем в деревне Чирец. Она-то и наглядела брату невесту в Чирце – мою маму Ксенью Антоновну.

В Чирце семья Устиных была в почете. Девушки Антонина и Ксения очень трудолюбивые, опрятные, вежливые. Дома в комнатах такое убранство и чистота, полы в сенях все блестят, залюбуешься. У папы другого выбора не было. Пошли со своей родней к Устиным свататься; состоялась помолвка. А в воскресенье в церкви состоялась служба, во время которой священник объявил всему приходу, что Анатолий Сивяков женится на Ксенья Антоновне Устиной. Мама вспоминала, как после этого к ним в дом приходили девушки-подружки, шили и вышивали приданое и невесте венчальное платье. Во второе воскресенье для молодых праздник «Почестье», опять в церкви служба. На третье воскресенье праздник для молодых «Венчанье», они становятся мужем и женой, надевают золотые кольца друг другу.

Так началась семейная жизнь моих родителей, и была она нелегкой. Земли мало, урожаи плохие. Пришлось разрабатывать целину, там урожай был хороший. Завели хозяйство, и жизнь улучшилась, стали хорошо питаться. Хлеба целые амбары намолачивали. Пока родители жили в деревне Лычно, в семье родилось пятеро детей: Мария, Николай, Анна (я), Виктор, Сергей. Еще двое, Тамара и Галя, народились уже в Синявино, куда мои родители переехали на жительство в 1929 году. Сначала уехал папа, а когда он устроился с жильем, то забрал и нас.

О моем рождении мама рассказывала так. Мой папа Анатолий Матвеевич со своим старшим братом Андреем пошли в деревню Чирец встречать праздник Крещение. Мама Ксения Антоновна осталась дома, она ждала рождения третьего ребенка, это меня. Чирец в трех километрах от нашей деревни Лычно. Молодые братья в двадцатиградусный мороз весело и быстро прошли этот путь. Теща Прасковья Ермолаевна Устинина встретила их радостно, обняла, поцеловала. Ее сыновья Александр, Павел и Михаил уже были у матери и ждали своих сестер – Антонину и мою маму. Антонина с мужем Петром пришли почти следом. Праздник Крещение отметили хорошо, с приятным угощением. Папа играл на тальянке, все веселились, плясали, пели песни и частушки. Весело и празднично прошли все три дня. А дома его прямо с порога поздравила мать Анна Даниловна с рождением девочки. Так я и родилась – 21 января 1922 года, пока папа был в гостях у тещи. Когда он узнал, что назвали меня Анной, то удивился и сказал: «Все Анюшки да Манюшки». Потому что у папы сестра Мария Матвеевна и дочь Мария, мать Анна Даниловна и меня назвали Анной.

...Помню свое детство: какое оно было хорошее, чистое, светлое. Мама с папой жили дружно. Разговор у них всегда был ровный, деловой. Не было

случая, чтобы папа повысил голос. Все заработанные деньги он до копейки отдавал маме, и они обязательно советовались между собой, если было надо что-то купить: кому в первую очередь, а кому потом. Одевали нас хорошо и разумно. К празднику мама всегда успевала каждому из нас пошить новое платье или рубашечку. Все мы росли здоровыми и жизнерадостными. Каждый из нас учился что-то делать для дома. Вместе с мамой и бабушкой ходили на поле жать рожь. Мы получали в руки серп и начинали жать – сначала неумело, резали пальцы, а потом все лучше и лучше, и совсем как мама жнет – тогда мы радовались и старались изо всех сил работать с задором. А нас – меня и сестру Марусю – мама и бабушка только похваливали, и это придавало нам сил. Потом бабушка начинала петь песни: красивые, протяжные, и все больше о женской доле. Голос у нее был хороший, и пела она со старанием. Брали нас родители и на сенокос за 8 километров. Место там сырое, вода местами до коленок, и нам одевали лапотки. Как только закончат сенокос, начинается жатва, потом молотба. Еще у нас был конь, звали его Мальчик, летом мы с ним ходили в ночное. Дел хватало.

...Как сейчас помню, как у нас образовывался колхоз «Селькор». Сначала в него никто не шел. Бывало, мама придет с собрания домой, расскажет, что всем велют вступать в колхоз, а бабушка Анна Даниловна говорит, что людей гонят в ад, и вступать не велит. Мама плачет. Вступать надо. Собрания все чаще и чаще. И вот мама вступила в колхоз, а папа в это время уже был в Синявино. Подала мама заявление, а вместе с заявлением отдали колхозу лошадь со всей сбруей, корову, зерно, картошку, сено – в общем, много всего отдали. Нам было очень жаль нашего Мальчика, его так и загоняли в колхозе. Он был сильный, упитанный, любой воз везет. Вот его и старались всюду запрягать, а кормить – когда накормят, а когда и забудут. Мама все плакала по Мальчику, зная, как его мучили, и как он стал худеть, а потом и вовсе не стал подниматься. Его бьют, а ему и воза с места не взять. Так колхозники его и загоняли, Мальчик погиб.

Мама долго работала в колхозе одна. Землю отобрали, оставили около дома небольшой участок огорода для посадки картофеля. Жить стало трудно, не хватало хлеба, нечем было кормить животных. На трудодни приходилось очень мало зерна, и всего остального тоже давали мало. Папе пришлось забрать всю семью в Синявино, где он работал прорабом по строительству. Как сейчас помню, меня не хотели брать, хотели оставить с бабушкой Анной Даниловной. Она мне говорила: «Ты у нас лишненькая, тебя и не берут...». И я плакала от обиды. И все-таки папа меня взял. День отъезда был назначен. Мама с вечера пошла с большой корзиной за травой для лошади, чтобы ее хорошо подкормить. Накосила полную корзину, да еще уплотнила, а поднять никак не может, и помочь некому. Принесла мама эту корзину, а под утро не смогла встать с постели. Оказалось, у нее случился выкидыш. Пришлось маме отложить на некоторое время поездку. Она, бабушка, Сергей, Тамара и Коля остались дома. А папа, Маруся, Виктор и я попрощались со всеми и поехали на лошадке на станцию Пестово, до которой было 80 километров.

Вот приехали в Пестово на станцию. Тетя Таня собралась на лошадке домой, а мы остались дожидаться своего поезда. До этого дня поезда я никогда не видела и не представляла, какой он. И вот он пыхтит, идет по рельсам, земля трясется, а у меня от страха захватывает дыхание. Потом он подаст свисток, и я с испуга убегу на вокзал. Вот такое мое первое впечатление о железной дороге, осталось на всю жизнь.

Приехали в Синявино. В общем бараке – маленькая комнатка с одним окном. В комнатке цветы, чисто все убрано, на окне тюлевая занавеска. Вот отсюда 1 сентября 1934 года я пошла в школу, в шестой класс. Маруся уехала на учебу в Ленинград, а мы с Виктором остались с папой. Потом к зиме приехала и мамочка с Тамарой и Сергеем, а Коля остался с бабушкой. Вскоре в новом двухэтажном доме нам была выделена двухкомнатная квартира, куда мы и переехали.

Из воспоминаний детства осталось, как мама подарила мне зеркальце в красной обложке и пенал с узорами, тоже красный. Я взяла все это в школу, чтобы показать моим подружкам. Я была так обрадована и хотела похвастаться, ибо ни у кого таких вещей не было. Всем очень понравился мой подарок. На уроке математики то одна, то другая подружка пристают ко мне: покажи да покажи, дай подержать в руках... Учитель заметил и говорит: «Что это, Сивякова Аня, ты показываешь, принеси мне покажи». Принесла я и положила на стол. Кончился урок, учитель мне пенал отдал, а зеркальце нет. и я не могла у него спросить – такая была стеснительная. Как мне было жалко зеркальца... Я плакала. Учитель каждый раз на уроке смотрелся в мое зеркальце. Нам, ученикам, задаст задачу или примеры, мы за партами решаем, а он вынет зеркальце, положит в ладошки и смотрится, головой крутит и так и эдак. А я сижу и переживаю, чуть не плачу. Так он мое зеркальце и не отдал.

В 1936 году я закончила 7 классов, немного подрабатывала в ЗАГСе и готовилась поступать. В 1937 году я поступила в Ленинградский техникум рыбной промышленности, в котором училась моя старшая сестра Маруся. Она к тому времени была уже на последнем курсе, дипломница.

...В техникуме была столовая, многие ходили туда обедать, а я еще ни разу не была. Вот пошла в первый раз, стала наблюдать, как другие берут обед. Вижу, все бегут к кассе занимать очередь, заняла и я. Слышу, впереди меня заказывают обед: три первых, три вторых, ну и компоту три стакана. Дошла до меня очередь, и я тоже заказала три первых, три вторых, три компота. Села за стол, отдала официантке талоны. Вскоре она приносит и ставит передо мной все по три: суп, кашу, стаканы с компотом – полный стол еды, а ко мне за стол никто не садится. Я поела с одной тарелки, с другой, и стало мне как-то неудобно. Выпила стакан компота и ушла. Потом девочки мне объяснили, как надо делать заказ.

По выходным дням я иногда ездила в Синявино, а иногда с сестрой Марусей и ее однокурсниками отправлялась на лодочную станцию. Там брали напрокат лодку и катались целый день по Неве. Они пели хорошие

песни под гитару, а я сидела в таком удовольствии, глядела по сторонам, на волны, и так на душе было радостно!..

7 октября 1937 года, в субботу, я собиралась поехать домой к родителям, думала сбежать в магазин купить какого-нибудь гостинца, когда в комнату вошла Анна Ивановна Попова, мама моей подруги. Анна Ивановна сказала, что нам с Марусей надо торопиться домой: с папой плохо. Я испугалась, заплакала. Съездили за Марусей, потом заехали к старшему папиному брату, Андрею Матвеевичу. Тут Анна Ивановна рассказала, что мой папа, Анатолий Матвеевич, скоропостижно умер от кровоизлияния в мозг. Заплакали мы горько-горько, а потом собрались и поехали в Синявино. У меня сохранилась фотография у гроба отца: стоим все мы и с нами вся родня и мамыны подруги, а братишки Виктора у гроба нет, он остался за няньку с маленькой Галей – ей всего полтора месяца исполнилось. Папа так любил с ней нянчиться, положит на одну ладошку и носит. Мама боялась, говорила: «Батько, уронишь...» Он говорил: «Не уроню, это наша тысячница растет», - в то время на седьмого ребенка в течение пяти лет выплачивали 10 тысяч рублей, это были большие деньги.

Папа ничем не болел, никогда не был на больничном, а вот умер никому ничего не сказал... После похорон Маруся поехала доучиваться в Ленинград, а меня мама с учебы сняла, надо было помогать большой семье. Сама она, как бы ни было трудно, виду не показывала, а мы – нас было шестеро да малышка Галя седьмая – помогали ей во всем. В декабре 1937 года я поступила на работу ученицей счетовода, а потом бухгалтером. Работа мне нравилась, меня хвалили. Все заработанные деньги я отдавала маме.

Несколько раз я была в театре по билетам с производства, смотрела балет «Тарас Бульба». Два раза за счет профсоюза ездила в дом отдыха в Петергоф, в самое хорошее время, летом. Давали с производства путевки и в однодневный дом отдыха на Кировских островах, мы там были с подругой Верой Беляевой. Очень нам там понравилось. Вечером в мраморном зале были танцы под оркестр, до самого утра. На танцах одна молодежь, все красивые, нарядные, жизнерадостные, трезвые – приятно посмотреть. Я танцевала легко, умела все танцы: танго, фокстрот и бальные, «Молдаванеско» и украинский. Меня пригласил военный моряк в кителе с нашивками. А зал очень большой, чтобы сделать круг, нужно станцевать несколько танцев. Почему-то я боялась потерять свою подружку Веру Беляеву, а моряк меня успокаивал: «Я Вас приведу к Вашей подружке...» И правда, когда закончили третий или четвертый танец, он подвел меня и говорит: «Вот ваша подружка». А когда мы стали собираться домой, он меня оставлял, но я не осталась, тогда он подвел нас к вешалке, помог одеть нам пальто и вывел под руку до выхода, немного провел и так расстались.

Маме с нами было нескучно, смотрела на всех, как мы подрастаем. Вот уже и маленькой Гале пошел четвертый год. Мама говорила: «Я не видела, как у нас Галенька подросла...» Няnek было много, любили мы маленькую девочку и жалели. Но мамочка иногда, не знаю почему, в разговоре со мной скажет: «Аня, я хочу домой... Вот приехала бы, отколотила бы окна и стала

бы жить в своем доме, в деревне все мне знакомые и все меня знают...» Но я тогда была не совсем взрослой и не могла ничего маме посоветовать. Мне Синявино тоже было как родной дом, жила с родителями и о деревне не вспоминала.

Старший брат Коля закончил школу ФЗУ, стал работать слесарем на ремзаводе. Осенью 1939 года он по особому набору был взят в армию, в Севастополь. Закончил военную школу на стенографиста. Прислал нам фотографию во весь рост, в морской форме. Мы очень гордились, что брат моряк. Это же училище ФЗУ закончил второй брат Виктор и тоже стал работать слесарем на ремзаводе. Мама дождалась помощников, радовалась, глядя на нас.

Но вот по радио объявили, что на нас напала Германия, началась война. Немцы бомбили наши города, а мы особенно волновались за Севастополь, ведь там был наш Коля, жив ли он... В первых числах июля мама взяла с собой младших детей и поехала в Лычно, в свой дом. Я с Виктором осталась в Синявино. Через месяц к нам приехал Сергей, я подумала, что ему скоро надо в школу. Оказалось, что мама отправила его, чтобы он взял швейную машинку и сразу ехал назад. Он этого не сказал и решил остаться у нас.

Потом мое предприятие решено было эвакуировать на Урал, всех уволили, меня тоже. Очень страшно стало жить дома, немецкие самолеты бомбили нас днем и ночью. Нельзя было топить плиту и зажигать свет, окна маскировали одеялами. Ночью, если тревога, бежим в лес, а над нами висят светящиеся парашюты; светло, как днем, мы бежим и боимся. Дежурили по ночам и на вышке: заметим где пожар, сообщаем звоном колокола. Вещи свои мы закопали в яму, вместе с вещами учительницы Елены Оттовны. Она говорила: «Если я погибну, у вас большая семья, пусть вещи мои останутся вам».

Немцы подступали и все уничтожали на своем пути. Однажды всех оповестили, что поданы вагоны для эвакуации, нужно быстро собраться, чтобы ни один человек не оставался в поселке. Мы взяли кое-что из вещей, захватили с собой кадочку с мясом: перед тем зарезали поросенка. Сели в товарный вагон и повезли нас в город Шлиссельбург.

До Шлиссельбурга мы не доехали, в первом же поселке всех высадили. Началась бомбежка, в панике все побежали кто куда. Мы спрятались в убежище, там и переночевали ночь, а утром Виктор и Сергей пошли в Синявино, пешком за пять километров. Их долго не было, и я очень переживала. Наконец они вернулись, принесли в ведре двух сваренных кур – больше поймать не удалось. Братья рассказали, что много домов в поселке разрушено, на улицах валяются трупы, пусто и страшно.

К вечеру подали товарные вагоны, мы доехали до Шлиссельбурга, а там пешком шли до водной станции. На станции нас стали грузить на баржу, а зенитки с берега так и бьют, отбивают атаку налетевших самолетов... Ночью наша баржа отплыла от берега, а куда – не знаем. Так плыли мы больше месяца. Не рассказать словами, что мы испытали. Лежали на голых нарах, грелись друг около дружки. Сначала нам выдавали печеный хлеб, а потом все

запасы кончились. Люди начали болеть и умирать, то в одном углу, то в другом. Добрались мы до кадочки с мясом, стали есть сырое, сосать соленую шкурку. Были рады, чтобы с буксира дали кипяченой воды. А на буксире ругаются, говорят «к вашей барже нельзя подъехать, она вся обосрана»: народу-то много, уборной нет, каждый оправляется, где подойдет, лишь бы не упасть в воду.

Однажды наша баржа причалила к берегу, и нас пересадили на большой пассажирский пароход. Тут ехать было куда теплее. Пароход прибыл в город Череповец. Как только мы сошли на берег, нам выдали талоны на питание в столовой и привезли на эвакуационный пункт. Большой дом, в нем одна большая комната, битком набитая людьми. В углу лежали мертвые, но мы не смотрели, каждому было лишь до себя. В эвакуационном пункте мы пробыли три дня, транспорта в нашу сторону не было. И вот я отправила Виктора и Сергея домой пешком за 120 километров. Пошли они по дороге раздетые, босиком, машут мне рукой, а я стою и плачу...

Их отправила, а сама осталась. К вечеру забегает один военный и кричит: «Кто на Устюжну?» Я сразу подпрыгнула и закричала громко: «Я, я!..». Он говорит: «Выноси вещи на дорогу, я скоро сюда заеду». И вот я еду в автобусе и все гляжу на дорогу, не встречу ли своих братиков. Все глаза проглядела, но они не встретились. Так глубокой ночью я приехала в деревню, где одна старушка пригласила меня переночевать. Она помогла мне нести вещи, а потом напоила чаем и уложила спать. В постели было так уютно, что я долго не могла уснуть, и все радовалась тому, как внимательно отнеслась ко мне совсем незнакомая старушка. А она спросила, кто мои родители, откуда я еду и куда. Оказалось, что бабушка знает моих родителей и мою бабушку Анну Даниловну. Наутро бабушка проводила меня на паром. Переехала я реку Мологу и сижу около забора, а наша деревня Лычно уже недалеко, всего в шести километрах. И вот вижу на пароме переезжает повозка, везет молоко сдавать на сырзавод в деревню Оснополье, это совсем рядом с Лычно. Я подошла к женщине с просьбой, не подвезет ли она меня. Она спросила: «А чья ты будешь?» Я отвечаю: «Сивяковой Ксеньи Антоновны дочка». А женщина говорит: «Мама твоя каждый день плачет, думает, что ее дети погибли в Синявино...» Привезла она меня прямо к дому. Вижу, выходит незнакомая женщина, говорит, что она эвакуированная из Ленинграда, живет у нас в доме. А тут и мама бежит с поля, вся в слезах, бросается в объятия. Было это в конце октября 1941 года.

Эвакуированным, которые у нас жили, дали другую квартиру. Дома хорошо, уютно, тепло. Но прошло уже пять дней с моего возвращения, а братьев Сергея и Виктора все нет. Мы переживаем, что с ними, ведь на улице уже начало ноября, белые морозы. И вот ночью лежим мы все на печке, вдруг стук в дверь, мы все с печки долой, спрашиваем: кто там. Слышим родные голоса: «Мы, мы!» Какая была радость, что Сергей с Виктором живы!

Стали мы ходить работать в колхоз, заработали много картошки, потом купили грядку капусты, насолили большую кадку. Жить стало веселее: хотя

хлеба у нас не было, зато картошки досыта и капуста своя. Потом мне пришла повестка на оборонные работы. Ходила я за семь километров с лопатой в руках, строили аэродром. Когда закончили эту работу, нас рассчитали, и я заработала много денег. А потом мама посоветовала мне пойти в Устюжну, чтобы куда-нибудь устроиться: «Ты работала столько лет, работу знаешь, тебя хвалили...» Ну я и пошла пешком в город Устюжну за пятнадцать километров от дома. Никогда я там раньше не была, ничего не знала. Иду по дороге, смотрю на каждый дом, читаю вывески. На одном доме вывеска «Военкомат». Я зашла, а там комната большая, народа много: военные, гражданские, и молодые, и пожилые. Пошла я к военкому, рассказала, что хочу поступить на работу, что раньше уже работала бухгалтером. Он предложил мне написать заявление и сказал, чтобы я подождала в зале ожидания. Сажу, жду, вот вижу: заходят к военкому трое военных в меховых куртках, унтах, с планшетками на боку. Через некоторое время они вышли, у одного в руках бумага и он читает: «Сивякова Анна Анатольевна...» Я говорю: «Я!» - и подошла к ним. Он говорит: «Мы вас берем к себе в штаб». Это был начальник штаба 82 БАО (Батальона аэродромного обслуживания) капитан Попов. Он сказал, что их часть сейчас находится на отдыхе, через несколько дней будет уезжать, и чтобы я была готова к отъезду.

Я собралась домой, но уже темнело, и я осталась ночевать в Чирце у бабушки Прасковьи Ермолаевны. На другой день пришла домой, а там уже повестка на оборонные работы в Череповец. Мама напекла мне из картошки хлеба на дорогу, а вот теплой одежды и обуви не было. Вместе с деревенскими девушками и ребятами пошла я пешком в Череповец, от нас до него 115 километров. Шли мы несколько дней, ночевали в разных селениях. Как-то заночевали в Красном уголке, нашли балалайку. Ребята и девчата все молодые, веселые – танцевали, плясали с частушками, пели песни. А с утра снова в дорогу. По пути попадались автомашины, военные ехали на фронт. Девчата кричали: «Возьмите нас!», а военные отвечали: «Вот эту девушку возьмем» - и показывали на меня, а я смущалась и краснела...

Потом я простыла и заболела. Домой, в Лычно, вернулась ночью. Побыла три дня, мама и говорит: «Иди в Устюжну, поступай на работу». И я пошла. В Устюжне нашла штаб 82 БАО, там мне сказали, чтобы я шла за вещами, так как часть сегодня уезжает. Я скорей домой. Прихожу, мама говорит: «Девушка, за тобой приезжала машина». Оказалось, это меня из части спрашивали, да не нашли и уехали обратно. Пришлось маме идти к председателю колхоза, просить лошадь, чтобы меня отвезти в Устюжну. Председатель лошадь дал, и мы поехали. Лошадь вначале шла хорошо, а потом стала упрячиться, остановится, и ни с места, мама ее и прутиком, и уговорами... А мороз на улице крепчает – было это 19 декабря 1941 года. И вот к двенадцати часам ночи, озябшие, все в инее, мы подъехали к штабу. Зашли с мамой вместе. В большой комнате много военных, идет суд, читают приговор: троих к расстрелу. Мама как услышала, говорит: «Куда ты девушка попала...» Вышел начальник штаба капитан Попов, увидел нас и

говорит: «Мамаша, за дочь не беспокойся, будет в штабе с нами. Тогда мама мне говорит: «Девушка, бомбить будут, не беги одна, держись начальства, куда они, туда и ты беги». С мамой я распрощалась со слезами: может, она провожает меня навсегда, а может, я вернусь совсем другая...

Мама уехала, а я осталась. В штабе все за работой, им не до меня. «Совсем дети поступают, что с ними делать», - сказал один военный, схватил меня на руки, как пушинку, и посадил на лежанку. Сажу на лежанку, на всех смотрю, никому не мешаю. Кто-то предложил покушать, я сказала, что не хочу. Через некоторое время один военный взял мой чемодан и скомандовал: «За мной!» Подошли мы к колонне автомашин, чемодан полетел в кузов, меня посадили в кабину. Как только дали красную ракету, колонна двинулась. Ехали долго, пока из кузова не застучали. Машина остановилась, вижу: из кузова прыгают военные, они замерзли, и все побежали в ближний дом греться. В доме топилась чугушка и горел маленький фитилек, так что не разглядеть было никого. Немного погрелись, и снова команда: «По машинам!» Ночь мы ехали до станции Пестово, 80 километров от дому. В Пестове погрузились в товарные вагоны, и тут я увидела, что кругом все молодые девчата.

Приехали мы на Волховский фронт, в Маловишерский район. Жили в лесу, в закоптелых землянках, спали на голых нарах, укрывались взятыми из дому одеялами. В 82 БАО были такие отделы: технический, продовольственный, финансовый, вещевой, метеостанция, АХО (административно-хозяйственный отдел), медицинская часть, ПВО (противовоздушная часть), клуб, прачечная, кухня. Роты: связи, аэродромная, авторота, прожекторная, ПАРМ (походная авторемонтная мастерская). Командир части – Гребнев, потом был майор Долгий Александр, потом Янютин, потом Стасенок; политработники – Попов, Жданов, Коровин. Штаб размещался в деревне Любцы.

Меня зачислили в технический отдел на должность счетовода авиационного склада. Звание мое было старший сержант. В обязанности входило вести учет личного состава, ежедневно подавать строевую на питание, вести учет складского авиационного имущества всех видов: самолетов, приборов, запчастей, моторов, парашютов и т.д. Также я изучала винтовку, в ночное дежурство несла охрану, выпускала боевые листки. А еще участвовала в художественной самодеятельности, помогала набивать патроны, чистить от снега аэродромы, ходила собирать щавель и грибы для армейской кухни. Носила донесения на командный пункт, особо секретные.

С Волховского фронта мы перебазировались на 1-ый Украинский фронт, в местечко Млынув. Жили в брезентовых палатках. От работы моторов и взлетов самолетов гудела и дрожала земля, летели самолеты на линию фронта громить врага. Не все возвращались с задания, погибали целые летные полки. На их место приходили другие, а мы бесперебойно обеспечивали боевые полеты истребителей, штурмовиков и ночных бомбардировщиков.

Была у меня на фронте задушевная подруга Катя Зуева. Мы с ней вместе работали, она учитывала боеприпасы и оружие личного состава. Вместе мы и участвовали в художественной самодеятельности БАО, в ансамбле песни и

пляски. Голоса у нас были хорошие. Как запоем мы с Катей песню «Мама», обе расплачемся. А слова там были такие: «Мама, хорошо мне всегда с тобой, мама, всюду вижу я образ твой...»

...На войне было страшно. Видела я сожженные деревни, разорванные рельсы, обломки домов. Нас бомбили с самолетов, обстреливали из минометов и орудий. Я плакала о погибших товарищах, переживала, что меня ждет такая же смерть. Иногда по целой неделе не могла кушать. Каждого, кто погиб, я знала в лицо. А погибали порой не только от пуль фашистов. Однажды остановился эшелон, девочки и выскочили на минутку оправиться. Залезли под другой состав, а он тронулся, и две девочки погибли. Другой был случай. Наш технический лейтенант ходил смотреть землянки для бойцов и подорвался на mine. С ним была девушка Люба Тихомирова, ее тяжело ранило, отправили в госпиталь. Один наш боец стоял около своей автомашины, когда проезжая машина сбила его с ног. Всякие случались неожиданности, погибали по-разному, а ведь так хотелось жить...

Фашисты отступали, мы шли вперед: по Венгрии, Румынии, Польше. Всех городов не помню, вот лишь некоторые, где довелось пройти: Жешув, Дебрецен, Клуж, Плоешти, Тимишоара, Братислава, Мутеница, Брно. В Чехословакии встретили День Победы. Такая была радость, хотелось петь и лететь, будто выросли крылья. А чехи приготовили для нас, победителей, всевозможную закуску, торты, пряности, яблоки, виноград, вино – столы прямо ломились от этого изобилия. Праздник Победы действительно был отмечен на славу.

После Чехословакии наш 82 БАО перебазировался в Советский Союз, в местечко Дубно, Ровенского района Львовской области. Расположились мы в наскоро отремонтированном разбитом доме, начали работать. Среди восьми девушек из разных отделов был у нас один парень, Ваня, он был главным, мы сдавали ему свои отчеты, он отчитывался за всех нас перед начальством. Девчата были озорные и много шутили над Ваней, а он отмалчивался и улыбался. Весной 1946 года после работы я решила сходить в Дом культуры в кино, но на сеанс опоздала, дверь была уже закрыта. Только я вышла на улицу, вижу, идет мне навстречу Ваня, спрашивает, чего вернулась. Я ответила, что кино уже началось и меня не пустили. Он взял меня под руку и сказал: «Пойдем, нас пустят». И я с ним пошла, дверь нам открыли, пустили. Ваня всегда вспоминал этот момент и всем рассказывал: будто, взяв меня под руку, он сказал, что из нас получится неплохая пара, а я вроде ответила, что не против с ним дружить (хотя этого я не помню). С этого и началась наша дружба. Девушки, с которыми я жила в одной комнате, Ваню очень уважали. Ко мне он был очень добрый. Приносил разную еду. А тогда с питанием было очень плохо, порции давали маленькие. Я отказывалась, мне было неудобно, а девчата просили: «Ваня, принеси нам котелок каши или принеси хлеба...» Потому что постоянно хотелось есть. И он приносил. У него были знакомые в вещевом отделе, в продовольственном отделе, в столовой. Должность у него была старший сержант, а потом уже и старшина. Был он высокий, подтянутый, аккуратный, перед строем солдат очень громко

отдавал начальству честь. Это надо было видеть, как он ловко и красиво стоял перед строем и перед генералом, держа руку у виска. Начальству это нравилось, его любили. Работу свою Ваня выполнял хорошо, отчеты оформлял грамотно и умело, ведь он до войны был главным бухгалтером райпотребсоюза.

В 1948 году мы с мужем Иваном Петровичем демобилизовались, нам выдали подъемные, две тысячи рублей – это были тогда большие деньги. И мы поехали в Серезино к родителям мужа. Там нас хорошо встретили, сыграли свадьбу. У Вани много родни в Серезине, все были на свадьбе. Потом мы целый месяц ходили по гостям, нас всюду приглашали. И к нам в дом приходили люди из разных деревень, с одним желанием – увидеть нас и поговорить. У многих сыновья погибли на войне, и они смотрели на нас, как на своих детей.

Затем мы устроились на работу: Ваня – главным бухгалтером райпотребсоюза, я – в Госбанк на бюджетную группу бухгалтером. Вскоре меня повысили в должности, стала контролером Госбанка. В 1949 году 7 октября у нас родился сын, назвали Петром Ивановичем. В 1951 году мне присвоили звание младший советник финансовой службы третьего ранга, выдали форму, тогда полагалось ее носить. В 1953 году приехал из Новороссийска друг моего мужа Вася, он тоже родом из Серезина. Вася и позвал Ивана поехать в Новороссийск. Город мужу понравился, и осенью мы туда уехали. Прожили там двенадцать лет, построили дом, сын закончил девятилетку. Но вот муж заболел гипертонией, стал инвалидом второй группы, потом дали и первую. Врачи посоветовали ему уехать в те места, где родился, где не слишком жаркое лето. Фронтовой друг моего мужа Алексей Афанасьевич Фомин работал в Торопце директором лесхоза; он узнал о болезни Вани и дал вызов. В 1965 году мы приехали жить в Торопец, получили квартиру в Толоконке. Сын Петя стал учиться в 10 классе школы №1. Я устроилась в лесхозе. Муж Ваня был нетрудоспособен, долго болел. В 1983 году муж умер, я осталась вдовой. До самой смерти я ухаживала за ним, старалась не терять жизнелюбия и стойкости духа. Где-то, бывало, и поплачу, где-то песенку спою. Без работы я не могла находиться ни часу: держала хозяйство, обрабатывала огород, сама дрова на зиму готовила. К любому тяжелому труду всегда относилась старательно, все делала добросовестно. Сын Петя после школы поступил в медицинское училище в г.Нелидово, закончил его, стал фельдшером. Отслужив армию, вернулся домой. Вскоре вызвали его в военкомат, предложили продолжить службу, он согласился. Служил в Германии, тоже медиком, и до сих пор работает медиком в военном гарнизоне г.Ржева.

Я на пенсии с 1977 года. на пенсию меня проводил лесхоз, где я работала с 1965 года, как переехали из Новороссийска. В лесхозе до сих пор помнят меня, относятся с уважением, помогают, если я в чем нуждаюсь, давали бесплатно дрова-отходы. Всегда поздравляют меня с праздником днем Победы. Я благодарна за это. Долг исполнен, жизнь пройдена с честью, трудолюбиво – вот в чем мое счастье!

Гаврилов Николай Устинович.

В мае 1941 года был объявлен набор в фабрично-заводские школы – ФЗО. Сельский совет вручил мне повестку, и я отправился в город Ленинград. Вместе со мной поехал Лешка Бородихин. Наши матери проводили нас до Торопца, а там вместе с ребятами из города и других сельских советов нас посадили в «телятник», и мы поехали.

В Ленинграде нас зачислили в школу ФЗО №8, которая готовила рабочих разных специальностей – слесарей, клепальщиков, маляров, кузнецов и др. Меня зачислили в группу кузнецов, Лешку Бородихина – маляром. Жили мы на Васильевском острове, размещались в двухэтажных корпусах, всего их было три. Группа кузнецов жила в первом корпусе, группа маляров – в третьем. Мастером производственного обучения у нас был старший кузнец Ионов. Практику проходили на Балтийском судостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе.

В ремесленных училищах выдавали шерстяное обмундирование, а нам выдали хлопчатобумажное: синие гимнастерки, черные брюки. К ним добавили черные тужурки, покрытые материалом из чертовой кожи, черные фуражки, кожаные ботинки. Обмундирование нам не очень нравилось, но ничего не поделаешь: такая форма была у всех учащихся ФЗО.

Питались мы сначала в столовой около Смоленского кладбища, а затем в заводской столовой на Косой линии. Кормили замечательно. Дома, как правило, кроме щей, супа и картошки мы ничего больше не готовили. А здесь нам давали и котлеты, и гуляш, и запеканки, и компоты. Причем ешь, сколько хочешь. К тому же в столовой питались многие ленинградские ребята, а они часто уходили домой, и все несъеденное доставалось нам. А сколько было различных лакомств в магазинах и ларьках: конфеты, печенье, пряники, разные булочные изделия – даже разбегались глаза...

В столовую и из столовой мы ходили строем. Командовать строем поручалось мне. Сейчас трудно передать, что чувствовал я тогда. Скажу, что был я на восьмом небе, чувствовал и гордость, и радость, было и чувство зазнайства. Ходили мы с песней. Бабки частенько говорили: «Какие хорошие ребята! А командир-то какой, ну просто герой! А командует как хорошо! Вот молодец!»

Жили мы на втором этаже, комната была на десять человек – все торопецкие ребята. Был установлен строгий, можно сказать армейский, распорядок дня. Каждое утро физзарядка, заправка коек, завтрак, знакомство с заводом, обед, ужин, сон с 23-х до 7-и часов. Конечно, много было и свободного времени. Вспоминается мне случай драки между нашей комнатой и ребятами из второго корпуса (там жили парни из Торжка, Ржева и Осташкова). Они давно хотели свести с нами счеты. И вот в одно из воскресений человек двадцать из 2-го корпуса ворвались в нашу комнату и начали драку. Мы, конечно, не сидели сложа руки и дали агрессорам надлежащий урок, чтобы впредь неповадно было врываться в чужой корпус.

В дальнейшем наши противники поняли, что сила на нашей стороне, и хотя полностью не подчинились нам, но и нападений больше не осуществляли.

В свободное время мы частенько собирались во дворе, чтобы померяться силами. Это мероприятие проводилось в присутствии почти всех учащихся. Все становились в круг, а два товарища выходили на середину, и начиналась борьба. Так почти все переборолись друг с другом. Не хвастаю, а пишу как было. Сильнейшими оказались я и Иванов из Скворцовского сельсовета. С ним мы боролись больше часа, перевалились в песке, как черти, все грязные, но никто не смог побороть. Оказались равные силы. С тех пор нас стали считать сильнейшими и в некоторой степени подчинялись нам.

Начало Великой Отечественной войны

В то, что пришлось пережить, трудно поверить, еще труднее обо всем написать. ... Свистит ветер, метет поземка. Хлопает сорванное железо. Забор вокруг завода разбирается на дрова, мы идем на его территорию, минуя проходную. Да, собственно говоря, на заводе уже и делать было нечего. В столовую мы еще недолго ходили строем, затем стали ходить табуном. Многие истощали настолько, что ходить не могли. Пищу им приносили те, кто посильнее. Если вначале нас кормили как на убой, то с октября 1941 года питание стало скудным: рассольник – мутная вода, в которой плавало две-три дольки зеленого помидора, на второе мучная каша (две столовые ложки). Вспоминается случай, когда мы пытались поймать кота, который жил в столовой. Но из нашей попытки ничего не вышло. Единственное, что поддерживало жизнь, это 50 гр. сливочного масла на день. Хлеба давали по 300 гр., а в январе-феврале 1942 года – по 150 гр. Ребята умирали по пять-шесть человек в день. Бывало, сложим трупов пять на саночки и везем на Смоленское кладбище.

В один из налетов в августе-сентябре 1941 года были разбомблены Бадаевские склады продовольствия. Говорили, что на этих складах был сосредоточен запас, которого хватило бы для снабжения Ленинграда в течение 10 лет. Этот налет был самым сильным за все время войны, мы наблюдали его с Вороньей горы, где вели оборонительные работы. Самолеты летели непрерывным потоком. Сначала день был ясным, но от разрывов зенитных снарядов он стал хмурым, даже каким-то зловещим. Сама природа как бы оплакивала трагедию Ленинграда. В эти сутки, казалось, весь город был в огне. После налета земля в районе Бадаевских складов пропиталась расплавленным сахаром до двух метров в глубину. Ребята наши, как и многие жители Ленинграда, ездили на место складов и привозили полные котелки этой земли, затем разводили водой и кипятили. Получался грязный сладкий напиток, который пили вместо чая. Этот так называемый «чай» вызывал понос, который нечем было остановить, и многие ребята умирали.

Вот пишу эти строки и думаю. Ведь никого не волнуют эти мои слова, так как никто не может представить себе той обстановки, того ужаса, который был тогда, но я никого не виню в этом. Я виню сам себя, что не смогу подробно, проникновенно, доходчиво рассказать об этом...

Начиная с августа 1941 года вместе с жителями Ленинграда мы были направлены на строительство оборонительных сооружений на подступах к городу. Работы производились вручную, применялись штыковые и совковые лопаты, ломы, мотыги. Основной пищей на этих работах была чечевица, раньше я ее не видел ни разу, не встречалась она мне и позже. Чечевица мне нравилась, а главное, она очень питательная. Пополняли мы свое меню и за счет свеклы. Бывало, распаришь ее, и хоть запах не очень приятный, но когда есть нечего, она шла за первый сорт.

Людей было много: не сотни, а многие тысячи. Преимущественно это были женщины и девушки из Ленинграда. Если бы не грозная обстановка, частые обстрелы и бомбежки, сколько было бы веселья после трудового дня! Но тогда было какое-то гнетущее состояние, так как сводки Совинформбюро сообщали о взятии противником города за городом. Иногда нас прямо прогоняли с работы, так как фашист приближался, и саперы уже устанавливали на дорогах мины.

Если вначале мы рыли около Луги и Кингисеппа, то в последнее время работали в районе Красного Села, Горской, Тарховки. Во время одного из налетов вражеской авиации в районе деревни Елизаветино наши зенитчики сбили вражеский самолет. Летчик выбросился на парашюте. И вот парашют медленно приближался к земле, а кругом бегали вооруженные люди, раздавались какие-то команды. Когда летчик опустился на землю, к нему долго боялись подойти: у него автомат, вдруг он всех перестреляет...

Был и такой случай. Роем мы ров. Кругом слышны орудийные выстрелы, автоматные и пулеметные очереди. Начальство наше сбежало, и мы остались без руководства. Стрельба стала слышаться где-то сбоку. Тогда мы вынуждены были прекратить работы и двинуться пешком по лесам и болотам к Ленинграду. Не помню, сколько времени длилось наше путешествие, однако, более трех суток...

При маскировке огневых точек у Вороньей горы мы попали под обстрел, тогда ранило Лешку Бородихина. Этот обстрел произвел большое воздействие на нашу психику. Раньше мы видели разрывы бомб, наблюдали, как они летят, а вот визга и разрыва мин слышать и видеть не приходилось. Добежав до Средней Рогатки, мы сели в трамвай, а он, как известно, повизгивает. И вот я не выдержал и забрался под сиденье: думал, что это визжат мины. Сижусь и весь дрожу, даже зубы стучат. Но потом понемногу отошло. Поэтому, когда меня спрашивают, боялся ли я на фронте, я всегда отвечаю: «Да, боялся!» Но мне кажется, что и каждый боится. Важно овладеть собой, не растеряться, не раскиснуть, а сосредоточиться, здраво оценить обстановку и действовать согласно приказа.

Не смотря на героическое сопротивление наших войск, на построенные укрепленные оборонительные линии, врагу удалось вплотную подойти к Ленинграду. Жизнь в городе становилась все хуже и хуже. Прекратилась подача электроэнергии и воды, не стало отопления, остановился трамвай. В связи с наступлением морозов прекратились оборонительные работы. Мы возвратились на прежнее местожительства. Но если в нормальных условиях в

комнате стояло десять коек, то теперь натискалось двадцать. Вместо света смастерили коптилку. Достали бочку из-под керосина, наполовину засыпали ее песком, сделали дверцу, куда закладывали дрова. В отверстие, проделанное в дне, вставили кусок водосточной трубы, вывели ее в форточку и таким образом приспособились обогревать комнату. Спали, одевшись, под себя клали два тюфяка, и на себя поверх одеяла еще два тюфяка. Для отопления использовали стулья, тумбочки, лестничные перила. На чердаке выломали стропила, так что крыша держалась на честном слове. Разломали деревянные заборы, сараи. Все, что могло гореть, пихалось в нашу бочку. Помимо тепла эта «печка» давала много дыма. Одно спасение было на койке под одеялом и тюфяками. Ляжешь, укроешься с головой и лежишь, пока не начнешь задыхаться. Тогда выскакиваешь – глаза красные, слезы ручьем – немного приоткроешь дверь и снова под одеяло.

Помимо голода и холода прибавилась еще одна беда – вши. Это было что-то невообразимое, что можно сравнить лишь с муравейником. Основным местом их сосредоточения был брючный кушак. Мне запомнился случай, когда умер один из учеников. Стали его выносить, так невозможно было взяться. И что странно, человек мертвый, а эта тварь как бы веселится – так и шевелится...

В ноябре-декабре месяце нашу школу расформировали, всех ребят разделили по группам и расселили по разным местам. Нашу группу поселили на проспекте Карла Маркса в одном из залов Военно-медицинской академии, недалеко от Финляндского вокзала. Хотя период этот небольшой, но он самый тяжелый: декабрь 1941 года, январь, февраль, март, апрель 1942 года. В это время выдача хлеба сократилась до 150 гр. в день. Работать мы уже не могли, так как еле волочили ноги. Основное наше занятие в это время – посещение Финляндского вокзала, откуда производилась эвакуация населения. А мы там занимались добыванием средств к жизни, или, проще говоря, хапужничеством. Те, кого эвакуировали, получали паек, который состоял иногда из трех буханок хлеба и полкастрюли горячих сосисок или сарделек. Мы собирались группами по трое-четверо и нападали... Достаточно было сделать подножку, как человек падал, и весь паек разлетался по сторонам. Мы хватали буханку, и дай бог ноги. А ноги-то носили плохо. Охрану этих граждан вела милиция. Два раза попался и я: излупили как следует и отпустили. А однажды мне удалось уйти от милиционера. Схватив буханку, я бросился бежать, а он за мной. Я юркнул в подъезд и затаился в развалинах. Дело было ночью. Милиционер постоял, постоял и ушел. Я доел буханку и чуть живой поплелся к себе в комнату. От переедания у меня страшно разболелся живот, и я чуть не отдал концы. Занимались мы и благородным делом: помогали женщинам при погрузке в вагон. Женщины, как правило, были с детьми. Получит паек, возьмет в руки, а ребенка нести не в состоянии. Мы помогали нести детей, чемодан, за что получали кусок хлеба, а иногда и сосиску, а это уже многое значило при нашем голодном состоянии. И можно сказать с полной уверенностью: мы не занимались бы

хапужничеством, если бы не милиция, которая не давала нам возможности оказывать помощь.

С ноября 1941 по апрель 1942 года умерли от голода многие мои сверстники, друзья и товарищи. Были случаи, когда мы отвозили на Смоленское кладбище сразу по пять человек. У нас были сколочены специальные сани. Положим трупы, впряжемся и везем. Могил не рыли, а сваливали прямо в траншею. На кладбище был специальный человек, который записывал количество трупов. Когда траншея полностью заполнялась, ее зарывали и ставили табличку. Захоронено две тысячи человек, а кто похоронен – неизвестно. Многих умерших вообще никуда не вывозили, они оставались в квартирах до тех пор, пока их не обнаружат. Лежащий на улице мертвый человек никого не удивлял, так как это было массовое явление. Было какое-то оупение, безразличие, ведь каждый ожидал того же.

За водой на Неву по очереди ходили с котелками, так как ведра было бы не принести. Вокруг проруби образовалось ледяное возвышение конической формы, и чтобы достать воды, нужно было ложиться на живот. К котелку привязывали ремень, и так, зачерпнув, вытаскивали. Мне пришлось видеть, как женщина пыталась достать воды, да так и не смогла, а перевесилась и замерзла в этой проруби. Пришлось вырубать лед и вытаскивать ее вон. Вытащили и как ни в чем не бывало продолжали брать воду.

Вспоминаю прожитое, и у меня складывается такое впечатление, что мы жили как-то тихо. Ведь в молодые годы, собравшись в коллектив, люди живут шумно, весело, а у нас в то время ничего подобного не было. Все мысли были о хлебе насущном, как бы остаться живым. Даже, мне кажется, и мыслей не было. Все, как у насекомого, пришло в дремотное состояние. Наваливалась тягостная лень: лень было вставать с постели, лень умываться, лень идти за обедом, лень двигаться. Кто не сумел преодолеть это состояние, тот оказался в могиле. Умер и мой приятель Лешка Бородихин. Пока мы были вместе, я его всячески поддерживал, но затем судьба нас раскидала. Рана, которую Лешка получил на Вороньей горе, начала гноиться; видно, он не смог двигаться, и это привело к смерти.

Примерно с середины марта 1942 года наша жизнь повеселела. Начала работать ледовая дорога через Ладожское озеро, «Дорога жизни». Прибавили паек, хлеба стали выдавать не 150, а 450 гр. Однажды, идя с Финляндского вокзала, я встретил Федьку Нечаева. Он работал шофером и доставлял грузы в Ленинград по «Дороге жизни». Федька звал меня с собой, чтобы перевезти на Большую землю, но я не согласился. Что руководило мной тогда, сейчас сказать трудно...

В апреле началась очистка Ленинграда от мусора, грязи. Тысячи ленинградцев с лопатами, ломом, метлами вышли на улицы. Трубы во многих местах лопнули, очень трудно было скалывать лед, который иногда был толщиной более метра. Начали копать газоны, цветники, любой свободный участок земли для посадки овощей, редиса, лука. Начал ходить

трамвай. И хотя налеты и обстрел города из дальнобойных орудий продолжались, чувствовалось, что кризис миновал.

В мае получили прибавку хлеба, крупы, мяса и других продуктов. Хлеба стали выдавать по 600 гр. Стало тепло. Нас призвали на всеобуч, готовили к призыву в Советскую армию. Учеба продолжалась в течение трех месяцев. Я был в то время так слаб, что по-пластунски не мог проползти и десять метров. Винтовку еле держал в руках, на турнике подтянуться не мог совершенно. Обучали нас и ружейным приемам, но делал я их плохо: ткну штыком в чучело, а вытащить не могу. Жили мы тогда на проспекте Бенуа, это окраина города, рядом начинались совхозные поля – свыше 15 га., засаженные клубникой. Посадки охраняли сторожа-женщины с ружьями, а сам участок был огорожен колючей проволокой. Мы ухитрились ползком по канавам пролезать под «колючку» и забирались в клубнику. Лежишь, бывало, в борозде и закладываешь за обе щеки. Ели до обжорства, до рвоты. Набивали противогазовую сумку, и быстрее по канаве назад. Иногда приползешь домой, а в сумке вместо ягод киселица...

Интересно то, что питание хоть и улучшилось, а силы вроде бы упали. Стали мы опухать: на первый взгляд вроде бы человек упитанный, а на самом деле это опухоль. Когда я обратился к врачу, он нажал на кость ниже колена – ямка не выпрямлялась в течение часа. Он сказал, что это дистрофия, и лечение только одно – усиленное питание. По молодости я не придал этому значения, и вот только теперь понял, что это такое. Блокада оставила отпечаток на всю мою жизнь. Я стал засыпать в любых положениях (стоя, сидя, за едой, при езде на лошади, на велосипеде и т.д.) Даже при сильнейших артиллерийских обстрелах и бомбежках были случаи, когда я засыпал. Вернее, отключался из жизни. Сначала я страшно от этого переживал, но потом смирился. Я все думал, да и сейчас думаю, что живут люди и хуже меня, а у меня есть на плечах голова, есть руки и ноги, а этот недостаток, болезнь эту перенести можно. А сколько пришлось перенести различного рода насмешек и оскорблений в связи с моей болезнью! А сколько было различных случаев, и смешных и трагических, но об этом позже...

...Перечитываю эти страницы и думаю. Писатель один эпизод в жизни опишет так, что становится все ясно. А это не эпизод, а значительный отрезок времени, а описан так, что не оставляет никаких впечатлений. Но черт с ним, хотя не складно, но зато здорово. Все же будут знать, что жил такой Николай Устинович, что он повидал, что испытал, что пришлось пережить. Ведь хоть свои родные прочтут и вспомнят, а так уйдешь, и все с тобой уйдет...

После предварительной подготовки на Всеобуче в августе 1942 года меня призвали в армию и направили в 47 запасной артиллерийский полк, в учебную батарею по подготовке командиров орудий. Но пережитая блокада давала о себе знать. Выполнение различного рода перебежек, ползание по-пластунски, подтягивание на турнике выполнялось с большой физической нагрузкой. Получалось плохо, а меня снова и снова заставляли выполнять

одно и то же упражнение. Никакого толку все равно не добивались. Еще хуже обстояло дело с моей болезнью, но в то время о ней нельзя было и намекать. Приходилось терпеть и страдать. Особенно мучительным было несение караульной службы. Простоять в течение двух часов я был не в состоянии, и, как правило, засыпал. Однажды попался и угодил на гауптвахту. И еще мне было никак не наесться. Сколько бы я ни ел, а жрать все равно охота. Выкроишь свободную минутку и бежишь на кухню, чтобы стащить морковку или кочерыжку. Но учеба давалась мне неплохо, об этом говорит тот факт, что из 50 человек только мне и еще одному парню присвоили звание старший сержант. К концу учебы я поднабрался силенок и стал чувствовать себя физически подходяще.

В декабре состоялся выпуск. Мне повесили четыре треугольничка, так как погон тогда еще не было. Привезли нас в Ленинград и пешком отправили на фронт в район Невской Дубровки, где формировался наш полк. Дойти до места назначения я не смог, так как натер ноги. Помню, приютил меня на день расчет «Катюш». В землянке у них было тепло, сухо, и я весь день проспал. Потом меня накормили, а к вечеру за мной пришел офицер и повел к месту назначения.

Дня через два меня направили в 4-ю батарею помощником командира взвода. Орудия нам достались новые, мы их раньше никогда не видели, поэтому пришлось снова приняться за учебу. К тому же располагались мы на болоте, и врыться в землю не было возможности. Пришлось приступить к заготовке леса и строительству срубов на поверхности. Так мы учились, строились и вели огонь по противнику. Потом за пререкания с командиром взвода меня сняли с должности помкомвзвода и перевели командиром четвертого орудия, а затем наводчиком. И снова чувство голода не покидало меня ни на минуту. И я, будучи командиром орудия, простаивал около кухни, чтобы получить добавки, или же пюре из мороженой картошки, или щей из хряпы, в лучшем случае пшенной каши. И почему-то все мне было холодно. Ходил я какой-то скованный, ссутулившись, движения были какие-то вялые. Видно, плохо еще согревала кровь. И хотя у меня было воинское звание старший сержант, но командир из меня, прямо скажем, был плохой. Прежде всего я неважно знал материальную часть орудия, не было у меня и необходимой командирской хватки. Впоследствии все это пришло.

Однажды ночью нас подняли по тревоге. Мы снялись с места и поехали. На рассвете привезли нас на берег Невы. На другом берегу были немцы. Пока совсем не рассвело, мы поставили орудия на прямую наводку, замаскировали снегом. Кем-то до нас была сделана землянка, в которую можно было забраться только ползком. Набились мы в нее, как селедки в бочку, один на одного. Холод ужасный, и топить нельзя, так как немцу все было видно. Согревали себя своим же теплом. Простояли мы на этой позиции суток двое-трое. Цель, по-видимому, была одна: ввести немцев в заблуждение. Мы уехали, а немцы продолжали думать, что мы еще стоим, и вынуждены были держать свои войска на этом участке. Тогда же я получил боевое крещение. Стрелять прямой наводкой мне довелось впервые.

Рассматривая в прицел пулемет противника, я нажал на спуск, и выстрел произошел для меня неожиданно. Я не успел отвести глаз от окуляра, и во время отката орудия этим окуляром меня и садануло. Почти неделю потом носил синяк.

Затем наше орудие поставили на стыке двух пехотных частей. Расстояние в одну сторону и в другую было около полукилометра, то есть где-то на километр не было ни одного солдата. Перед нами была поставлена задача - закрыть этот разрыв, чтобы дать возможность сосредоточить войска на другом участке. До нашего орудия там стоял станковый пулемет, но его вырезали немецкие разведчики: пулеметчики притупили бдительность, часового не выставили, и их ночью зарезали. ...Состояние наше было невеселое. Кругом ни души. Своего пребывания мы не показывали. Ночью дежурили я и наводчик, а днем орудийные номера. От орудия до землянки метров сто. И вот, бывало, проходишь по траншее эти сто метров, прислушиваешься к каждому шороху. Невдалеке стояло одинокое дерево, которое при малейшем ветре издавало скрип. Казалось, что это скрипят лыжи. Это дерево, этот скрип выводили из себя. Происшествий, правда, никаких не произошло, но нервы были напряжены до предела. Вот тогда я понял, что такое одиночество и что такое пехота. Когда рядом пехотинцы, или стоят другие орудия, тогда чувствуешь себя спокойнее, увереннее...

Но вот, наконец, залпы «Катюш» возвестили о начале артподготовки по прорыву блокады. Раньше мы уже вели пристрелку по целям, и теперь точно знали прицел, угломер, уровень каждой цели. Была дана команда: 25 снарядов на орудие, беглый огонь! От выстрелов я оглох, но потом это прошло. Ствол орудия раскалился так, что сгорела краска. Настроение у всех было приподнятое, каждый понимал, что началось что-то грандиозное, чего ждали все ленинградцы на фронте и в тылу, ждали этого и все советские люди. Примерно в середине дня была дана команда сниматься. Мы погрузили все свои пожитки, прицепили орудия, погрузили снаряды и поехали, а куда, не знаем. Знаем, что вперед! Переправились через Неву и оседлали дорогу, ведущую на Шлиссельбург. Орудие было установлено на открытой позиции, чтобы, если нужно, вести круговой обстрел. Разместились мы в землянке, где недавно были немцы, даже запах стоял какой-то «немецкий». Это было первое знакомство с условиями, в которых жил враг. Мы располагались в болотах, где и землянки вырыть не было возможности, а у них сухо, тепло, рядом асфальтированная дорога. Мы пришли к выводу: раз нам удалось их выковырять из этих укреплений, то погоним врагов и дальше. И наступит в конце концов долгожданный день Победы... Именно тогда мы поняли, что победа будет только за нами.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, наступление продолжалось, и наши войска продвигались вперед. Перед нами стояла задача огнем поддерживать наступающую пехоту. Орудия, боеприпасы и расчет совершали перебазирование с одного участка на другой на автомашинах ЗИС-5 (наши знаменитые трехтонки). С началом наступления машины нам заменили, теперь мы передвигались на американских машинах

«Виллис», они были очень удобны. Мы грузили по восемь ящиков снарядов, садился расчет, прицепляли орудие – и вперед! Проходимость у этой машины отличная, очень хороша была «Виллис» и при преодолении преград. Мы легко объезжали на нем образовавшиеся на дороге «пробки», благодаря его подвижности быстро занимали огневую позицию и быстро снимались с нее. Немцы открывали огонь, а нас там уже не было. Тогда же, при переезде на новое место, я впервые увидел немецкий танк «Тигр», или, как мы его называли «Слон». Продвигаясь по настилу, этот танк провалился в торф. Немцы успели только снять с него радиостанцию, а все остальное осталось на месте. Мы разглядывали немецкий танк с большим интересом, зная, что с такими нам еще предстоит сражаться.

Потом нас перебросили на другой участок фронта, под Пулковку, в район мясокомбината. Ехать нам пришлось через Ленинград. Город, конечно, изменился. Если зимой 1941-1942 гг. он казался вымершим, безжизненным, то сейчас чувствовалось биение жизни, ощущалось движение на улицах. Нашу батарею поставили на закрытую позицию, и мы должны были вести огонь по целям города Пушкина. Раздалась залпы «Катюш» и 130-миллиметровых орудий, мы тоже открыли огонь. Я во время подачи команды выдвинулся вперед, оказавшись впереди щита. Очередным выстрелом меня оглушило так, что я ничего не слышал в течение суток, в ушах стоял один лишь звон. Но я не переживал. Около меня смеялись ребята, вместе с ними смеялся и я. А вечером мы снялись с занимаемых позиций и двинулись вперед. Это значило, что наши передовые части развивают наступление, и наша задача – поддерживать их огнем. Передвижение осуществлялось без света. На впереди идущее орудие повязывалось белое полотно, чтобы не врезаться сзади идущей технике, на крыло машины садился солдат, который давал команды шоферу. Так мы двигались часа два, а потом смотрим: справа и слева идут машины с зажженными на дальний свет фарами. Тогда мы тоже включили свет. Какая это была чудная картина! Тысячи машин с зажженным светом движутся вперед, причем движение осуществляется в трех направлениях. Мы двигались в центре. После сплошной темноты этот свет вызывал чувство ликования, торжества. Ведь света мы не видели с июня 1941 года, кроме огонька коптилки да зарева от пожаров... Стоял сплошной гул моторов, двигались автомашины с орудиями, тягачи, бронетранспортеры, танки, двигались повозки на лошадях и даже на верблюдах. Я тогда впервые увидел живого верблюда. Все стремились вперед, обгоняя друг друга. Где-то справа и слева слышались винтовочные выстрелы, автоматные и пулеметные очереди... Стало рассветать, когда наше движение прекратилось. Остановились мы в деревне Федоровское. Так я снова оказался в тех местах, где мне довелось побывать в 1941 году, когда мы бежали с Вороньей горы. Теперь в бинокль было видно, как по Вороньей горе бегут немцы, и снаряды рвутся в самой их гуще.

Мы захватили два немецких орудия «Берта», которые вели огонь по Ленинграду. Орудия были полностью исправными, только со снятыми прицельными приспособлениями. Тут же один храбрец-пехотинец сел

верхом на ствол орудия, а другие стали вращать подъемный механизм и поднимать его вверх. Пехотинец командует: «Давай еще выше!» А потом говорит: «Заряжайте...» Солдат зарядил и хотел уже дернуть за шнур. Только наше вмешательство спасло горе-седока от неминуемой смерти. Ведь если бы солдат дернул шнур, произошел бы выстрел, и при откате пехотинец слетел бы со ствола и разбился.

Дальнейший наш путь лежал через Красное Село. Вступили мы в него ночью, многие дома были взорваны, город горел. С трудом одолели крутую гору, объехать которую не было возможности. Едва начинало казаться, что преграда взята, как орудие с машиной скатывалось назад, и подъем начинался снова. Так мы промучились почти целый день. Поднявшись на гору, мы ринулись по дороге в направлении Гатчины. Остановку сделали в деревне Яблоневка. Здесь впервые после блокады я увидел гражданского человека. Помню, командир батареи приказал мне помыть людей. Я нашел деревенскую баньку. Захожу, и – о боже! В бане мужчина гонит самогонку. Конечно, определенная часть ее была реквизирована для пополнения наших спиртных запасов, одновременно была снята и проба, подтвердившая качество продукта. Затем привал был в деревне Елизаветино. Хотя стояли недолго, я все же успел пробежаться по деревне. Правда, раньше я был там летом, а сейчас стояла зима, и вступили мы с другой стороны, но я все же узнал многие места.

В Гатчину мы вступили рано утром. Город был в огне. Особенно жалко и больно было смотреть на Екатерининский дворец, охваченный пламенем. Вместе с жалостью вид горящего дворца вызывал жгучую ненависть к фашистским выродкам, для которых не существовало ничего святого. Каждый из нас понимал, что фашизм несет с собой не только смерть, но и уничтожение всего ценного, культурного, что создано гением русского народа, мировой цивилизацией. В центре Гатчины стояла колонна, на которой была воздвигнута звезда. Гитлеровцы звезду сняли и на ее место поставили черную свастику. Эта свастика производила удручающее впечатление: мне в ней чудился четырехглавый удав, стремящийся задушить нашу родину. На наших глазах свастика была стянута на землю и разбита на куски. На ее место был воздвигнут красный флаг. И хотите верьте, хотите нет, я почувствовал облегчение, как будто тяжелый камень свалился с груди.

Дальше мы двигались по проселочным дорогам в направлении на Псков. Любые заносы и бездорожье преодолевали своим ходом и усилиями людей. Труднее всего было первым, следующим было уже значительно легче, они продвигались по проторенной дороге. Кругом были следы жестокого разрушения. Многие населенные пункты узнавались только по оставшимся печкам и печным трубам. Слезы да спазмы сжимали горло при виде этой жуткой картины. Однажды остановился весь полк, все склонили головы перед седой старухой, которая стояла на пепелище со своим внуком. В это время я подумал о своем родном торопецком крае. Ведь немцы хозяйничали и у нас. Неужели они и у нас причинили такие разрушения...

В один из дней мы вступили в разрушенный районный центр, его названия теперь и не припомню. Наша батарея расположилась на окраине. Но, видно, немецкая разведка доложила о сосредоточении наших войск, налетели вражеские самолеты и взялись нас бомбить. Упоенные успехом наступления, мы не вырыли даже ровиков, а спасли нас от бомб два чана для хранения капусты. Эти чаны, видно, принадлежали общепиту. Капусты в них не было. Наполовину были они заполнены водой, которая замерзла и сверху покрылась льдом. Когда началась бомбежка, мы бросились в эти чаны. Под тяжестью наших тел лед обломился, и мы по пояс оказались в воде. Ничего не поделаешь, лучше в воде, чем под разрывами бомб. Несмотря на сильную бомбежку, мы невольно смеялись, принимая эти водные процедуры.

В том же райцентре произошла у нас встреча с партизанами. Двигались они на лошадях и пешком, вооруженные нашими и немецкими автоматами. Это были партизаны прославленного «Партизанского края», где работали колхозы, сельские советы и даже райкомы партии. Они не допускали в этот край немецкие войска, противопоставляя превосходящим силам противника свое мужество и отвагу. Фашистами против них устраивались карательные операции, и они отвлекали на себя большие силы противника.

Однажды мы нагнали отступающих немцев, которых, конечно, ликвидировали, а несколько человек взяли в плен. Пехотинцы несколько фашистских трупов выставили у дороги, подперев их сзади палкой. Хотя смотреть на это было и отвратительно, но с другой стороны, было и чувство отмщения: дождались, голубчики, своего конца!

Продлав путь по болотам и бездорожью, мы вышли к шоссе Ленинград-Псков в районе города Сланцы. Остановились от шоссе километрах в десяти. Вырыли ровики, замаскировали орудия, приготовились к ведению огня. Ночью по шоссе непрерывным потоком двигались войска, оказывается, это немцы отводили свои части для укрепления Пскова. Погода стояла морозная. Ровики мы накрыли брезентом, поставили чугунку, затопили ее. Уставшие, согрившись, мы уснули. Во сне я притиснулся к чугунке и в двух местах подпалил чисто новый полушубок, а командир взвода управления как обнял чугунку, так у него рукава сморщились в гармошку. Смеялись долго. На следующее утро мы вступили в Струги Красные. Как и в других населенных пунктах, все там было объято огнем. Затем дальнейшее продвижение на Псков было остановлено, и мы повернули на Нарву. Помню, дорога была гладкая, гололед. Мы на своих «Виллисах» как разгонимся, так и не затормозить. За время пути несколько раз приходилось вытаскивать машины из кювета.

В результате наступления большая часть личного состава вышла из строя, и нас отправили на переформировку и пополнение. Где было место нашего расположения, не помню – где-то вблизи бывшей границы с Эстонией. От подъема до отбоя строго по расписанию с нами проводились занятия. Помимо изучения материальной части орудия, огневой подготовки, мы занимались даже строевой подготовкой и порядком несения караульной службы. Как-то к нам приезжал художник и рисовал наши портреты

(командиров орудий прямой наводки). Позировал я художнику три дня. Портрет получился неплохой, и я ходил, как петух, с высоко поднятой головой. Смотрите, мол, вот герой, даже рисуют портреты...

Большой период в моей жизни связан с Колпино. На этом участке фронта мы находились более года. Город был здорово разрушен, лишь дымили трубы Ижорского завода, который всю свою деятельность перенес под землю. Завод много раз бомбили, вели систематический обстрел из дальнобойных орудий большого калибра, но он ни на минуту не прекращал своей кипучей работы. Однажды иду я по Колпино, спускаюсь под горку, под железнодорожный мост, навстречу мне едет женщина в военной форме, в звании капитана. Я был немного «подпивши», прошел мимо и не поприветствовал ее. Она меня остановила и говорит: «Товарищ старшина, необходимо старших приветствовать». А я говорю: «Необязательно, обойдешься и так». Тогда она мгновенно выхватила пистолет и командует: «Товарищ старшина, пройдите и поприветствуйте как положено, иначе я за себя не ручаюсь». И, братцы мои! Я как взглянул в ее глаза, так и обомлел. В этих глазах была такая ярость, такая решимость, что я понял: не поприветствую – она всадит в меня пулю. Хотя и не по всей форме, но я вынужден был приветствовать. Повторяю, вынужден! Я парень не из робких, но здесь сдрейфил окончательно. Потом я узнал, что это была командир гаубичной батареи, расположенной в районе Колпино, – единственная женщина командир батареи на всем Ленинградском фронте. Мне часто приходилось встречаться с ребятами из этой батареи, и они все как один гордились и на все лады расхваливали своего командира. Она знала артиллерийское дело, была справедливая, проявляла поистине женскую заботу о своих подчиненных и обладала большой храбростью. Если говорить о ее женских качествах, то это, мои дорогие, была настоящая красавица. А как шла ей офицерская форма!.. Надо сказать, что я ненавидел женщин в армии и не признавал никаких их женских качеств. Но эта умела заставить уважать себя. Вот это женщина! Ехала она тогда на белой лошади в линейке. Вообще, чеховская дама на прогулке. И вот прошло почти уже сорок лет, а перед моим взором стоит эта женщина. Во! Дала она мне понять! И правильно, а то появилось много зазнайства, излишней гордости, так можно было забыть и о своих подчиненных. Иными словами, эта встреча имела положительный результат, она, так сказать, поставила меня на положенное место. И сейчас, когда я бываю в Колпино, я каждый раз вспоминаю об этой встрече...

Дальнейшее пребывание на ленинградском фронте связано с Нарвской операцией. Все попытки наших войск взять Нарву в лоб не увенчались успехом, так как город был немцами очень укреплен. Поэтому перед нашим полком и другими частями была поставлена задача форсировать реку западнее Нарвы, и это нам удалось. Дальнейшее продвижение вперед нам преграждали две сопки. Там немцы проделали тоннели и оставили специальный заградительный отряд, в задачу которого входило задержать наше наступление, чтобы оттянуть свои войска под Таллин. На наших глазах

полегли три наших стрелковых полка, но овладеть сопками так и не удалось. Перед нами была поставлена задача взять эти сопки. Задачу мы выполнили, хотя в батарее осталось только одно орудие. Сначала под эти сопки нас хотели перебросить днем, но немцы открыли такой огонь, что дальше ехать было невозможно. Мы дождались, пока стемнеет, и под прикрытием ночи заняли огневые позиции. Установили орудия, вырыли ровики, сверху ровик прикрыли пустой железной бочкой. Незначительное укрытие, но все же оно защищало от дождя. И эта бочка позднее спасла нам жизнь. Расчет из четырех человек забрался в ровик отдохнуть. Только прикорнули, как раздался оглушительный взрыв. Это прямым попаданием в бочку угодила мина, верх бочки так и разнесло, а мы отделались испугом.

Измучены мы были до крайности, валились с ног от усталости и недосыпания. Что было особенно плохо, так это отсутствие воды. Кормили нас, как назло, соленым гороховым концентратом, который почти никто не ел. Вот тут я понял, что значит жажда. Даже во сне снилось, что капает вода.

Немцев с сопки мы все-таки выкурили. Наше орудие заняло огневую позицию у подножия сопки. Немцы вели сумасшедший артиллерийский огонь, даже нервы не выдерживали такого обстрела. Однажды утром старшина принес нам очередную порцию концентрата и маленько задержался. С подошедших кораблей начался обстрел сопки. Старшина не выдержал обстрела и пустился бежать в тыл. Но пробежал он всего лишь метров десять, как очередным взрывом его разорвало на наших глазах. Это еще раз доказывало, что во время обстрела самое лучшее лечь в какую-нибудь ямочку и лежать, не двигаясь.

На второй день немцы предприняли контратаку. Перед нашей огневой позицией была созревающая рожь, и вот по этой ржи цепью продвигались немцы, строча из пулеметов. До них было метров 70-80, и в прицел хорошо виделись не только каски, но даже лица. Я навел орудие и открыл беглый огонь. Немало немцев осталось лежать во ржи, остальные повернули назад. Их добил пулеметчик, который располагался на сопке. Стрелял он мастерски: выбивал такую чечетку, что хоть пляши. Этих оставшихся немцев он гонял по лугу, наверное, с полчаса, пока всех не уничтожил.

На другой день мы вынуждены были сменить огневую позицию. В батарее было только одно орудие, остальные вышли из строя. Да и наше стреляло плохо, так как осколком был пробит накатник, и во время выстрела орудие откатывалось назад, а вперед не возвращалось, и приходилось накатывать самому ломом.

Многие спорят: одни утверждают – есть судьба, другие доказывают – нет никакой судьбы... Я же утверждаю, что судьба есть! Вот в расчете осталось нас три человека: я, Семенов и азербайджанец Умед, которого я послал за снарядами, а мы вдвоем с Семеновым залезли в укрытие. И надо же было так случиться, прямо в наше укрытие угодила немецкий снаряд. Меня засыпало землей, а Семенова всего изрешетило осколками. Я насчитал у него шестнадцать ран. Он умер у меня на руках. Характерно, что ни из одной из ран не шла кровь. Перевязал я ему всего лишь три раны. Этот Семенов всего

несколько дней назад прибыл к нам в батарею, да и был он связистом, а не орудийным номером... Орудийным номером был Умед, очень плохо говоривший по-русски. И такой увалень – как медведь. Остались мы с ним вдвоем. Поставил я его на пост у орудия, а сам пошел в ровик отдохнуть, так как больше не мог стоять на ногах. Через некоторое время слышу крик: «Куды! Куды!» Оказалось, этим криком Умед не пускал к орудию разведчика из соседней части. Обросший черной бородой азербайджанец имел такой страшный вид, что разведчик испугался и побежал назад по траншее.

Я убедился и в том, что человеческие силы неизмеримы. В сложной, безвыходной обстановке человек может сделать то, что в обычной обстановке не сделают и пять. Убедился я в этом на себе. Во время стрельбы орудие откатилось назад. Так вот, в обычных условиях для того, чтобы его продвинуть вперед, нужно не менее пяти человек. А я, видя, что наступают немцы, продвинул его один. Или вот еще. Ящик со снарядами обычно носили на спине, и солдат его еле нес. А я кидал эти ящики метров за пять. Конечно, они могли бы взорваться, но другого выхода не было. Надо было стрелять по наступающему противнику.

Ночью наше орудие перевезли на другую сторону сопки. Там, во дворе разрушенного здания, был колодец метров десять глубиной. У нас были веревки, мы связали их вместе и котелком достали воды. Вода была холодная и до чего же вкусная! При такой жажде, которую мы терпели, это была самая вкусная вода на всем белом свете... Тогда же нам дали пополнение из взвода управления: теперь нас было пять человек. На «виллисе» нас подвезли вплотную к траншеям немцев. Утром их группа, человек десять, пытались выбить нас с занимаемой позиции. Орудие наше бездействовало, так как заклинило затвор, и отбивались мы огнем из автоматов и гранатами. На другой день наступила невообразимая тишина, как будто и не было этой страшной канонады. Мы снялись с занимаемых позиций и поехали в Нарву. Там мы простояли с неделю. Город был страшно разрушен. В моей памяти сохранилась только крепость. Вот почему трудно было брать город «в лоб»: стены крепости каменные, метра полтора толщиной, в них сделаны специальные пулеметные гнезда, наверху площадки для орудий. В Нарве закончилось мое пребывание на Ленинградском фронте.

Погрузили нас в эшелон и повезли, а куда – мы не знали. Знало об этом только старшее командование. Меня к тому времени назначили старшиной батареи. В этой должности я пробыл до конца войны. На Ленинградском фронте мы привыкли к переброскам с одного участка фронта на другой. Передвигались мы на машинах, и на всю переброску нам было достаточно одной ночи. Теперь нас везли по железной дороге. Было как-то и радостно, и боязно. Пугала неизвестность: куда-то повезут? Пусть на Ленинградском фронте нам приходилось испытывать огромные трудности, голод, да и местность не радовала и не баловала – а видно так устроен человек: живешь на одном месте, привыкнешь и уезжать не хочется. Итак, до свидания, Ленинградский фронт, до свидания, город Ленинград...

Поезд вез нас на юг по Октябрьской железной дороге: я ехал тем же путем, каким в 1941 году прибыл в Ленинград. Я узнавал названия станций: Чудово, Малая Вишера, Бологое... В Лихославле нас повезли на запад. Передвигались мы ночью, остановки делали только на больших станциях. И вдруг однажды ночью останавливаемся на станции, читаю: Торопец! Не верю своим глазам. Спрашиваю у людей, что за станция, отвечают: Торопец. Я быстренько написал небольшое письмо матери, отдал какой-то женщине на вокзале с просьбой, чтобы передала тете Даше на Стрелецкой улице д.1. Это была первая весточка матери от меня после блокадного Ленинграда. Письма писал я и с фронта, но это была весть из рук в руки.

Мы думали, что нас везут в Белоруссию, где шли ожесточенные бои, но нас повезли дальше на юг. Время стояло теплое, ведь это было в августе 1944 года.

Ехали мы в телятнике, и из дверей вагона интересовались природой, делились впечатлениями. Жутко было смотреть на разрушенные города и села. Когда эшелон останавливался на полустанках и разъездах, приходилось наблюдать, как люди живут в землянках. А ночью из вагона мы не раз видели, как горят вдали огоньки, вокруг которых стоят люди. И вот раздается задушевная песня. Так петь могут только украинцы!.. И это зрелище мы наблюдали на всем пути, пока наш эшелон продвигался по Украине.

Наш путь лежал в Польшу, на Сандомирский плацдарм. Остановились мы на небольшой станции перед рекой Висла. Там сгрузили всю технику. Теперь у нас были американские «студебекеры» - машины очень хорошие, высокой проходимости. Реку Висла мы проехали своим ходом по устроенному передовыми частями мосту. Помнится, остановились мы в сосновом бору недалеко от города Сандомир и взялись валять лес для строительства землянок. Оказалось, лес этот принадлежал пану, который несколько раз приезжал и плакал, видя, как мы безжалостно уничтожали его богатства. Мне несколько раз пришлось бывать в Сандомире, но в памяти почти не осталось впечатлений об этом городе. Помнится лишь, как бывал в магазинах. Характерно, что на одни и те же конфеты в одном магазине одна цена, в другом другая. Да и вообще на все товары разная цена. Можно было поторговаться и купить подешевле. Потом до меня дошло, что это частнособственнические магазины. У нас были специальные польские деньги, но паны обожали советские деньги.

Пришлось мне бывать и в польских деревнях. Надо заметить, что простые крестьяне жили неважно. Одному крестьянину я продал, или, вернее, обменял несколько деревьев леса на самогонку. Хотя с моей стороны это было и незаконное действие. Но пусть пользуется лесом не один пан, а и другие крестьяне. Хочется заметить, что в лесах у поляков полнейший порядок. Не видно ни свалившегося дерева, ни валяющегося сучка. Своевременно проводилось прореживание. После того, что нам приходилось видеть у себя, такой порядок вызывал восхищение.

Однажды наше расположение посетил командующий 4-й танковой армии генерал-полковник Лелюшенко. Но он быстренько смотал удочки, так как начался сильный артиллерийский обстрел нашего расположения.

Время мы проводили в подготовке личного состава к новому наступлению. Дважды выезжали на полигон. Один раз проводили стрельбу с закрытой позиции, а второй раз вели огонь по танкам прямой наводкой. Стрельбы прошли успешно. Командующий артиллерией армии объявил личному составу батареи благодарность, а моему другу сержанту Игнатьеву вручил именные карманные часы.

После так называемого «отдыха» - переформирования и обучения - наступил момент прорыва укреплений противника. После прорыва передней линии обороны мы выдвинулись вперед, и дальше уже отдыха никакого не было. Движение наше, как правило, происходило ночью по проселочным дорогам, чтобы обойти укрепленные пункты и не дать возможности вражеской авиации нас бомбить и обстреливать. Настроение у всех было боевое, приподнятое. Мне нравилась тактика нашего командования. Как только немцы оказывали упорное сопротивление, мы делали обходной маневр, и враг вынужден был оставлять этот укрепленный район, так как он оказывался в тылу наших войск. Маршрут нашего движения за давностью лет я не помню. Помню города Ченстохов, Познань. Часто мы входили в город на рассвете, население и вражеские гарнизоны спокойно почивали. Мы разезжали по всем главным улицам, захватывали склады с продовольствием, горючим, склады с боеприпасами взрывали. В течение дня мы устанавливали в городе свой порядок, а ночью – снова вперед. Однажды во время передвижения я вздремнул, а очнувшись, увидел, что машина, которая ехала впереди, вдруг остановилась. Тут обгоняет нас «виллис» с командующим армией т. Лелюшенко. Подъехал он к стоящей машине, видит: колонны впереди нет. Оказывается, шофер и командир взвода уснули, колонна ушла, а мы и те, кто ехал за нами, остановились. У командира взвода было открыто боевое стекло. Вот командующий как огреет его костылем, у того и сон как рукой сняло. Командующий помчался вперед, и мы за ним. Примерно через час мы догнали колонну и ликвидировали разрыв.

Приходилось нам передвигаться и днем. Самым страшным было образование «пробки». Никто не хотел уступать дорогу, и только вмешательство старшего начальника ликвидировало заторы. Часто стоящие в таких «пробках» колонны бомбила вражеская авиация.

За быстротой движения мы не заметили, как достигли границы с Германией. В ходе передвижения нам пришлось форсировать водные преграды: реки Бобер, Нейсе, Одер. Наше форсирование состояло в том, чтобы переехать через реку по настилу, устроенному на понтонах. Сложнее всего было проскочить эту переправу и не подвергнуться бомбежке. Конечно, настоящее форсирование состояло в том, чтобы на подручных средствах переправиться через реку, захватить плацдарм, а затем навести настоящую переправу. Это делали передовые пехотные и саперные части, а мы, так сказать, «примазывались» к чужой славе.

В немецкой армии к этому времени началось полное разложение. Держались только ярые нацисты. Наши разведчики часто ловили на дороге беглецов из армии. Делали это следующим образом. Через дорогу, на высоте примерно груди человека, протягивали телефонный кабель. Беглецы обычно уезжали ночью на велосипедах, ехали быстро, провод не замечали, так и повисали на нем. Пойманных мы обыскивали, производили допрос, и если чувствовали, что сбежавший ничего не позволит, то отпускали, некоторых расстреливали. В одном небольшом городе мне пришлось присутствовать при допросе одного члена нацистской партии, который руководил фольксштурмовцами, или ополчением. Он имел черно-коричневую форму, значок. Поднять ополчение ему не пришлось, так как мы появились совершенно неожиданно.

2-го или 3-го мая мы двинулись на Прагу. В районе Дрездена мы видели, как выходили из концлагеря наши летчики, совершенно истощенные, многие даже не могли идти. Особенно запомнилось мне преодоление Карпат. Как поднялись мы на них, я не заметил. Помню только чудесную местность. Красота неопишуемая. Когда поднялись, посмотрел вниз, а под нами ходят облака. Я даже сначала не понял, в чем дело. А вот как спускались вниз, запомнилось хорошо. Дело в том, что к Чехословакии горы значительно круче, чем со стороны Польши. Помню, мы делали восемнадцать поворотов зигзагом. Двигались на первой скорости на тормозах, колеса орудий были привязаны так, чтобы не крутились, да еще и расчет придерживал их на лямках. Помню, въезжаем в один из городов Чехословакии. Остановились в бывшем пивбаре, всей батареей расселись за столы, нашли официанток, которые спрятались при нашем появлении. И началась трапеза. Да, мои дорогие, такого пива я еще не пивал!.. Когда мы двигались по Чехословакии, радио во весь голос передавало призыв восставших рабочих Праги. До сих пор помню слова: «Русь армада, червоний воздушный флот...» и дальше слова о помощи. Навстречу нам выбегали дети, девушки, все кричали «наздар», бросали цветы, целовали наших воинов.

8-го мая мы заняли огневые позиции в предместьях Праги. Утром 9-го мая сделали несколько выстрелов. Потом слышим по радио, что Прага освобождена, наступил долгожданный мир. Нашему ликованию не было границ, мы обнимались, целовались, плакали.

После Победы полк наш стоял в Кладно – это угольный бассейн наподобие нашего Донбасса. Там я впервые побывал на шахтах, посмотрел, как рубают уголек. Условия работы в забое жуткие: духота, угольная пыль. В некоторых местах текла сверху вода. Но рабочие говорили, что скоро наведут надлежащий порядок и что навести этот порядок при гитлеризме не представлялось возможности, так как одна задача была: давать больше угля, а о технике безопасности никто не беспокоился.

Каждый вечер наш полк выстраивался на вечернюю проверку, после которой мы с песней побатарейно совершали прогулку по городу. На тротуарах было много горожан, они с интересом и восхищением наблюдали за нами. Стояли мы в этом городе около месяца. Я успел пошить себе костюм

из английского материала, цвет его был голубоватый. Личный состав батареи располагался в бывших немецких казармах, а мы с командиром батареи и командиром взвода жили на частных квартирах. Дома у чехов очень хорошие, чистота в доме безукоризненная. Однажды мне было очень неудобно. Хозяйка подзывает меня и говорит: «Пан старшина, посмотрите!» Показывает простыню, а по ней ползет вошь. Казалось бы, что особенного. А она говорит, что вошь у солдата – это вполне возможно, а у офицера вшей не должно быть. Сделала она мне замечание и за пользование туалетом. Туалет был во дворе, покрашен половой краской, устроена раковина. Специальный рулон туалетной бумаги. Замечание было за то, что командир батареи забрался на рундук ногами и оставил грязь. Она говорила, что нужно садиться на рундук, а не становиться ногами. У хозяина я впервые увидел радиолу. У нас тогда таких вещей не было. Пришлось мне беседовать и с одной молодой учительницей, она сравнительно неплохо разговаривала по-русски. Тема нашего разговора состояла в том, кто и как материально живет. Должен признаться, что мне пришлось изворачиваться, лгать. Все же жизненный уровень или материальное состояние учительницы в Чехословакии значительно выше, чем у нас. Да и другие категории людей живут значительно лучше.

Очень интересно население отмечало там праздники. Часов в 10 утра на одном конце города выстраивается духовой оркестр в форме. За оркестром следуют пожилые люди, затем дети, затем парами молодые парни и девушки, а затем мужчины и женщины. Дети и парни с девушками в национальных костюмах наподобие украинских. Оркестр исполняет бравурный марш, под звуки которого все отправляются из одного конца города в другой и обратно. Затем оркестр играет веселую музыку, люди приглашают друг друга в гости и расходятся по домам. Дважды мне пришлось бывать на танцах в клубе. Клуб очень хороший. Имелись отдельные комнаты для игры в шашки и шахматы. Здесь же размещался буфет. Под аплодисменты присутствующих по их просьбе я исполнил «Комаринского». Не могу обойти молчанием и инцидент, который произошел между мной и исполняющим обязанности командира дивизиона, старшим лейтенантом Черненко. После танцев я проводил девушку Олю до дома и возвращался к себе на квартиру. Меня встретил старший лейтенант Черненко и заорал на меня: «Где ты был?» И бац меня по морде. Я не стерпел и трахнул его по башке. Он носил шашку и хотел меня ей рубануть, а я вытащил пистолет и говорю: «Не успеешь взмахнуть саблей, как я пушу тебе пулю в лоб!» Он говорит: «Ну ладно, запомнишь этот случай!» Назавтра вызывает к себе в дивизион. Наорал на меня, смазал мне кулаком по роже, вlepил мне десять суток строгача и говорит: «Мы представляли тебя к награждению орденом Красного Знамени, а теперь не видать тебе ордена как своих ушей». Я думал, что он этого не сделает, а он сделал. Мои боевые заслуги он разменял на личные ссоры. Вот какие бывают случаи...

Хочется заметить, что Чехословакия мне очень понравилась. Воздух чистый, небо голубое-голубое, местность очень красивая. Во всем

чувствовался порядок и хозяйский глаз. Даже не верилось, что и Чехословакия была подвержена оккупации. На память об этом времени у меня хранятся несколько фотографий.

А потом была новая тревога. Оказывается, генерал Тернер, который командовал расположенными в Праге частями, не подчинился приказу немецкого командования о капитуляции. Он решил вывести свои войска на соединение с американцами. Путь отступления мы ему перерезали в Австрии, за Веной, но это было уже 18 июня. И вот обидно, что многие написали письма, что война окончилась, и вдруг погибли.

По окончании операции мы остановились в пригороде Вены. Для дальнейшего передвижения полка не хватало горючего. Мы вынуждены были слить горючее с тыловых машин, и нашу батарею оставили охранять эти тыловые подразделения. Стояли мы около месяца. Каждый день пили виноградное вино, которого у австрийцев было в изобилии. Потом нам привезли горючее, мы по тревоге собрались и двинулись в путь. А путь лежал в Венгрию. Полк наш расположился неподалеку от города Капошвара, на опушке леса. Впереди было ровное поле, где проводились строевые занятия, сзади протекала река. Мы построили поверхностные землянки. Началась мирная армейская жизнь, был установлен строгий распорядок дня. Некоторые сразу переключились на мирный лад, а многим это давалось трудно. Тяжело, например, было привыкнуть к приветствию. В фронтовой обстановке это делалось просто, а теперь нужно было отдавать честь по всем правилам, согласно устава строевой службы. Как правило, рядовые не приветствовали сержантов, тем более из других батарей. Теперь же это нужно было делать. Многие получали взыскания, но изменить своим привычкам не могли. Я был в это время старшиной батареи и пользовался полной самостоятельностью как сверхсрочник.

Вскоре началось увольнение из армии. Стал собираться в дорогу и я. Направили меня на учебу в Военно-политическое училище им. Фрунзе в г. Горький. Ехать пришлось в телятнике, к которому для быстроты передвижения подцепили два вагона психически больных. Везли нас не прямо, а через Болгарию и Румынию. Это делалось для того, чтобы объехать бендеровцев. Возвращались мы домой с большим волнением. Правда, первые населенные пункты привели нас в какое-то уныние. За границей большинство строений были кирпичные, крыши черепичные, дороги асфальтированные. И когда, бывало, смотришь на город или село, то в глаза бросались красные черепичные крыши, а на Родине вид городов и сел был какой-то серый, мрачный. Так закончилась для меня война. Это был тот период времени, когда решался вопрос: жить или умереть. Война многому нас научила. Мы многое повидали. Достаточно сказать, что война забросила меня в Польшу, Германию, Чехословакию, Венгрию, Австрию, Болгарию, Румынию. На войне пришлось встретиться с различными людьми разных национальностей. Мы посмотрели своими глазами, как живут люди за границей.

По прибытии в Горький нас разбили по подразделениям и предоставили краткосрочный отпуск. Я поехал на родину. В Торопце меня встретила мать. Отпуск прошел быстро и незаметно, за это время я познакомился с Моисеевой Валей. Она мне очень понравилась, и она меня любила, но наша любовь прервалась. Я уехал на учебу в Горький, а у Вали обнаружили недостачу, и она уехала в Ригу.

Учился я хорошо. Правда, с дисциплиной дело обстояло неважно. Мучила меня болезнь, так как я засыпал во время занятий. Во время несения караульной службы я не мог простоять двух часов, чтобы не уснуть. Даже стоя у знамени училища, и то засыпал. Однажды, когда я ходил в караул, у меня стащили ордена и медали, которыми я был награжден в годы отечественной войны. Ордена были приколоты к гимнастерке, оставленной в казарме. Как выяснилось впоследствии, стащил ордена курсант, с которым мы вместе учились. Награды он переслал отцу и сказал, чтобы тот зарыл их в саду под яблоней. Для чего ему чужие награды, он не объяснил. Характерно, что он сам был награжден многими орденами и медалями. Это событие рассматривал ревтрибунал Московского военного округа. Сокурснику моему дали два года дисциплинарного батальона. Ордена мне вернули, а медали «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» так и не были возвращены. На мои обращения в наградной отдел Президиума Верховного Совета о восстановлении наград мне ответили, что утерянные медали и ордена не восстанавливаются. По-моему, это совершенно неправильно.

Проучился я в училище с августа 1945-го по май 1947-го года. И вот, после долгих лет я снова вернулся на родину, в край, где прожили мои деды и бабушки, где жили отец и мать. Где бы ты ни был, а дома кажется лучше. После демобилизации мне положено было месяц гулять, но без работы я пробыл одну неделю. Меня назначили секретарем Чистовского сельского совета. Работу я любил, и дела у меня шли хорошо. В сентябре 1949 года меня перевели на работу председателем Михайловского сельсовета. Было мне тогда двадцать пять лет. Чувствовал я себя стеснительно, но было и чувство гордости и зазнайства. Да как было не зазнаваться, когда ты хозяин крупного сельского совета, который насчитывал 11 колхозов. Михайловский сельсовет был экономически сильным, земли ровные, сухие. В районе он всегда занимал первые и вторые места. Работать мне нравилось. Дисциплина среди работников была безукоризненная. Мы с женой Ниной были частыми гостями у жителей. Люди считали за честь, что у них побывал в гостях председатель сельского совета. Считаю, как председатель я соответствовал занимаемой должности, со мной считались. О том, что меня уважали, говорит тот факт, что и сейчас при встрече люди с радостью пожимают мою руку, делятся своими воспоминаниями. Прямо говорят, что был хороший председатель.

В Михайловском с/совете мы прожили с сентября 1949 года по октябрь 1951 года. Меня ценили в райисполкоме, поэтому, когда были введены при МТС заместители по политической части, меня одним из первых

рекомендовали на эту работу. Но работать мне не пришлось, так как помешало одно событие. Оно связано со скандалом, который произошел у меня в доме, когда мы справляли вечер, посвященный двухлетию работы в Михайловском сельсовете. На вечер был приглашен директор школы Андреев Сергей Дмитриевич, который по пьянке разбил окна и разбил мне нос. Ему, конечно, тоже досталось основательно, но об этом узнал райком партии и секретарь Великолукского обкома партии тов. Густов Иван Степанович. Все же в этом году меня перевели на работу в райисполком заведующим отделом сельского и колхозного строительства. Нужно откровенно признаться, что я был не на своем месте, так как в вопросах строительства я ничего не петрил, а у меня в подчинении был инженер-строитель с высшим образованием и техник-строитель со средним специальным образованием. Поэтому в технику строительства я не вникал, а занимался организацией строительных работ и оказанием денежной ссуды. Строительство в районе велось на должном уровне, а за строительство силосных полубашен отдел был награжден переходящим Красным Знаменем Великолукского облисполкома.

Проработал я зав.отделом года полтора и призвали меня в армию. Присвоили мне звание лейтенанта и направили для прохождения службы в город Полесск Калининградской области. Служил я в отдельном зенитном артдивизионе, в учебной батарее зам.командира по политической части. В мои обязанности входило воспитание у будущих сержантов любви к нашей Родине, высокого патриотизма, примерной воинской дисциплины, высших политических качеств. Возложенные на меня обязанности я выполнял честно, и, надо сказать, была отдача. Так, при инспекторских проверках личный состав по политической подготовке всегда получал оценку «отлично».

Сразу к армейской жизни было не привыкнуть, а потом все стало на свои места. И откровенно признаться, уезжать было неохота. Сначала я жил в палатке один, а затем приехала жена Нина с дочкой Светой. Жили мы в Полесске в офицерском доме, в однокомнатной квартире. Не теряя напрасно времени, я поступил учиться в вечернюю заочную школу и за время проживания в Полесске закончил 8 и 9 классы. Город Полесск – это бывший город Лобнау Восточной Пруссии. Все построено с немецкой тщательностью. И хотя в годы войны он был основательно разрушен, это город-сад. Около каждого дома небольшой участок земли, одна сотка или две, где растут яблони, вишни и другие деревья. Столько вишни я еще никогда не видел. Многие хутора, где никто не жил, были полностью покрыты вишней. Собирали ее ведрами. И чего только из нее ни делали: и настойки, и варенье, и компоты.

Как и все люди, мы – офицеры со своими женами – раза два собирались отметить знаменательные даты – Новый год и День Победы. Но потом я праздновать вместе отказался. Дело в том, что там надо было смотреть в рот начальника и слушать, что он говорит, а я этого не люблю. Например, в Новый год я предложил поднять тост за наших советских солдат, которые стоят сейчас на посту и по долгу службы не могут выпить рюмочку. А

командир дивизиона меня оборвал и говорит: «Нечего за них пить, кроме того, они и сами напьются...» Лучше всего собираться вместе людям, занимающим одинаковое положение в обществе и не зависимым друг от друга.

Вот так и прошла наша жизнь в Полесске. Уезжать не хотелось, так как не было окончено среднее образование, да и привыкли мы к этой жизни. Но нужно было возвращаться на родину, к обыкновенным гражданским будням. Ехал я в Чистое, к моим отцу и матери. Проезжая Великие Луки, решил заглянуть в обком партии. Там мне предложили ряд работ: зам. пред. Холмского райисполкома, зав.отделом пропаганды и агитации Пореченского района, зав. орготделом Бежаницкого райкома, освобожденным секретарем парткома в Земцы. Но меня, как сумасшедшего, тянуло в Торопец. Первый секретарь райкома партии т.Громов предложил работу инструктором по зоне МТС, где я проработал три месяца, а затем меня направили председателем колхоза «Победа» Чистовского сельского совета. Работать председателем укрупненного колхоза в то время было очень и очень трудно. Экономически колхоз был очень бедный, слаба производственная база, а главное, это отсутствие веры у людей в результаты своего труда. Ведь на протяжении послевоенных лет колхозники, кроме палочки (трудодней) ничего не получали. Таким образом, предстояло изменить взгляд колхозников на свой труд, а для этого нужно было сделать весомым трудодень. К тому же хотя партия и правительство приняло постановление об инициативе снизу, однако на деле это постановление часто нарушалось. Местные партийные и советские органы стремились навязать свои планы, тем самым отбивали охоту работать у руководителей колхозов. Работать председателем с моим здоровьем было очень трудно. В 1956 году меня признали инвалидом третьей группы, в 1958 году я передал колхоз Никифорову И.И. В 1960 году я поступил на работу зав. Чистовской сельской библиотекой, где проработал в течение десяти лет. В 1960-1961г. я заочно закончил десятый класс, а в 1964 году поступил в Великолукский педагогический институт на заочное отделение. Но жизнь всегда чревата различными неожиданностями. Так, неожиданно умер отец, потом мать, а потом трагически погибла жена. Все это оставило свой отпечаток. Жил я в то время совершенно один. Дочь Света училась в городе Великие Луки, Саша находился в интернате в Загорской школе. Нет ничего тяжелее, как быть одному. В голову лезут всякие мысли, человек не в состоянии контролировать свои действия и давать им правильную оценку. Вот бывало, сижу один, смотрю телевизор. Показывают что-нибудь интересное, веселое, и я смеюсь. А потом опомнюсь и думаю: может смеялся-то я напрасно... Поэтому я поставил перед собой задачу: как только Света выйдет замуж, подыщу и я себе жену и перееду в город. Так я и сделал. Многие, конечно, осуждали меня, но это их дело. Каждый строит свою жизнь по-своему...

Мартынова Мария Ильинична

Родилась я в 1922 году в деревне Подсосонье. Был летний день, мама жала в поле рожь, когда вдруг начались роды. До дому было далеко, помощи ждать неоткуда, вот так я и появилась на свет – в чистом поле под ржаной бабкой. Дома маму ждали еще трое детей и много работы: все хозяйство держалось на ней. Мама мне рассказывала, что она была в семье девятым ребенком и с детства познала нужду. Замуж вышла 33 лет. Судьба моей мамы оказалась неудачной. Ее муж Илья, мой отец, маму очень обижал, часто бил. Сам он работал мало, все делала мама: и землю пахала, ходила за плугом, и молотила, и косила – почти все одна. Отец говорил, что он болен, и занимался домашней работой. Мама в поле пашет, а отец дома топит печь, печет хлеб. Вот такая выпала моей маме доля, не видала она отдыха ни днем, ни ночью, все в работе да в заботе.

... Помню, у нас был сад, изба большая, а окошки маленькие. И вот однажды я осталась одна, когда напротив нашего дома начался большой пожар, горела вся постройка. Скот бежал по дороге, ржали лошади, ревели коровы. Я стояла на подоконнике и смотрела в окно на пламя, мне было очень страшно.

После пожара мы выехали на хутор Колчеваха, что был в трех верстах от нашей деревни. Изба наша осталась на зиму лежать в снегу. Жить было негде. Отец выкопал землянку, в ней пришлось и зимовать. Топилась наша землянка по-черному, и когда она топилась, мы все выходили на улицу, на мороз. Потом, когда заканчивали топить, мы снова собирались в землянке. Воздух там был горек, дым ел глаза. Было темно, маленькое окошечко в двери пропускало немного света, мы жгли лучину и рано ложились спать. Питались в основном печеной картошкой.

Так мы перезимовали, наступила весна, стало греть солнце. Помню, как я босиком бегала по проталинам. Изба наша оставалась лежать на земле, не поставили ее и за лето. Правда, поставили ригу, где сушили хлеб, и в этой риге стали жить мама и сестра Шура. А мы – сестра Анна, братик Ваня, я и отец – остались на вторую зиму в землянке. Мама с отцом все время ругались. Помню, я очень боялась, что отец маму убьет. Когда он ее бил, я всегда ее защищала: бросалась к отцу на шею, крепко-крепко держалась и очень кричала и плакала. Еще помню, как отец с мамой ездили в город на суд, они делили имущество и нас: кого кому. Суд решил, чтобы брат Ваня и сестра Анна жили с отцом, а я и сестра Шура – с мамой. Но мы с Шурой были недружны, она меня часто обижала, и я к маме в ригу не пошла, а осталась с отцом в землянке. Бегали мы все грязные, завелись вши. Иногда мама ловила меня, как дикарку, хватала за тряпки, тащила к речке и чесала мою голову прямо в речку. Так проходило мое горькое детство.

Суд присудил отцу лошадь, а маме корову, но мама молока нам совсем не давала. Картошка оставалась нашей основной едой, еще отец ловил рыбу, ведь рядом были озеро и река. Как-то раз отец застрелил ворону, сварил, и мы ее съели. Однажды отец утащил у мамы горшочек с маслом, она очень плакала и ругалась, обзывала отца вором. А он просил меня не говорить

маме, что мы картошку с маслом кушали. Она спрашивает, я и говорю, что ели с солью... Потом отец переложил масло из горшочка в железную банку, крепко закрыл и зарыл в землю. Там около озера бил источник, вода в нем была ледяная в любую жару, а зимой это место не замерзало. Так вот и жили, а изба наша все лежала на земле не поставлена...

Так прошло пять лет. И вдруг собираются ставить избу. Я была так рада, что не помнила себя: наконец-то мы будем зимовать в доме! Тут еще братик с отцом сделали лодку, стали ловить много рыбы, и мы немножко начали заживать. И какая же красота был наш хутор: озеро, река, лес – такая красота, что невозможно описать. Кругом сенокосы, трава волной так и колыхается. А по берегу озера черемуха, как венок, в воде отражается, и аромат, и соловьи, песни, гармошки... Жить бы да жить и никогда не покидать такую прелесть. Правда, жили снова по-всякому. В одну осень загорелась рига, сгорел весь наш хлеб, вот и обратно голод. Но пережили все, вместе-то стало лучше. Хотя отец с мамой продолжали ругаться, мира между ними по-прежнему не было, а мне вновь приходилось плакать и висеть у отца на шее, спасая маму...

И вот пришло время идти мне в школу. Ходить надо было за три километра, зимой по снегу *в целик*, если никто в город на санях не проехал. Пять зим я училась и не сносила ни одних ботинок или туфель. В школу ходила босиком до первого снега, потом мне дали *поршни*: резина, и к ней пришиты тряпичные головки, которые постоянно обрывались. Приду из школы, сажусь и шью свои поршни, пришиваю головки. Потом учу уроки с лампой или с лучиной. А утром снова – рваную пальтушку на плечи, книжки в платок, горелую лепешку за пазуху, руки голые рукав в рукав – и в дорогу. В то время у нас было очень много волков, я их видела не раз, но они меня почему-то не трогали, наверное, я была неприглядна. Иногда, в метель, моя учительница брала меня к себе домой ночевать; бывало, и одну ночь переночую, и другую...

Вот как трудно я училась. Но сколько бы я ни перенесла горя, все равно всю жизнь вижу во сне свой хутор; когда бы я ни шла в отпуск, всегда стремлюсь побывать там, поплакать, попить воды из той речки, сходить к тому источнику...

С большим трудом я окончила 6 классов и бросила учиться, потому что было стыдно ходить в школу в поршнях. Мама меня ругала, но я пошла работать в колхоз – раньше можно было работать хоть с десяти лет, а мне уже исполнилось тринадцать. На работу я ходила за три километра, а там куда пошлют: жала рожь, таскала лен. Как же он красиво цветет: все вокруг голубое, ветер подует, словно волны по морю! А рожь поднималась выше меня, я там как мушка шевелилась. Родилась ведь я на ржаном поле, не грех все это и любить...

Исполнилось мне 14 лет, настала пора ходить на танцы. Танцевали мы при керосиновой лампе, но очень все было мило и весело. И я была веселая, пела, плясала, меня все любили. Еще я очень смелая была, откуда что и бралось, наверное, от пережитого в детстве. Край у нас такой: ребята как подвыпьют,

любят подраться, хлебом их не корми. Ни один праздник без драки не проходил. И вот я как только замечу, что ребята дерутся, - лечу туда с огромной силой, прямо в гущу драки, чтобы их как-либо разнять, не дать убивать друг друга. Тогда я не подозревала, что это может быть опасно для меня самой. И все у меня получалось удачно, все хорошо: помирю, пожмут руки и разойдутся. Наверное, у меня с детства был талант: когда отец бил маму, мне тоже удавалось их разнять.

Одета я была по-прежнему плохо. И вот как-то на наш хутор приехали работники, которые занимались сбором сосновой смолы. Им требовались новые сборщики, я и сказала маме, что пойду собирать смолу. Это была единственная возможность заработать себе хотя бы на туфли и на платье. Но когда я обратилась в контору, то на работу меня не взяли, сказали, что мало лет. Я, конечно, очень плакала, а потом уговорила маму пойти со мной в сельсовет, попросить, чтобы мне дали справку, что мне не 14, а 16 лет. Мама со мной пошла и со слезами выпросила эту справку. Так я оформилась на сборку смолы. ...Одна делянка так и называлась – «1000 стволов». Из маленьких воронок скребком или лопаточкой смолу собирали в ведра и относили в устроенные в лесу погребка. Ведро смолы весило около 30 килограммов, руки были изранены в кровь, но я не дрогнула, хотя порой собирала и плакала. Не помню точно, сколько я заработала, но туфли я себе купила. Это были первые туфли на моих ногах. Потом купила розового ситцу, и сестра Аня сшила мне два платья. Я была так рада, что даже и сейчас помню это чувство. Но это было только одно лето, потом заготовители уехали, и я опять стала работать в колхозе. Снова жала, косила, таскала лен – в общем, делала все, что говорили. А в туфлях на высоком каблуке, которые заработала за лето, я потом проходила на танцы всю свою короткую юность. До деревни мы с подружками обычно шли босиком, обувались только перед самой избой, где танцевали. После танцев тоже шли босиком. Однажды прямо на танцах у меня отвалился каблук, и я принесла его домой в кармане. Говорят, обувь эту делали кустари – в общем, барахло да обман. А руки у меня после сбора смолы долго болели, кожа стала липкая, с кровью отставала от ладоней. Так я мучилась, пока не выросла новая кожа...

Шли годы. Я стала дружить с парнем, мы с ним раньше учились в школе. Парня звать Вася, дружили мы с ним три года, а потом решили пожениться. Было это в 1939 году, и в этом же году великое горе настигло наши сердца, мое и мамино. Братик наш Ваня служил в армии на Дальнем Востоке в городе Благовещенске. Служить ему оставалось всего два месяца, когда на нашу границу посягнули японцы, начались бои на озере Хасан. Ваня был шофер, возил генерала. Генерал погиб, а братик был ранен и умер от ран. В тех краях его и похоронили. Нам прислали фотокарточки и похоронку. Мама так плакала, что заболела, и до конца жизни потом продолжала болеть. Я тоже очень жалела Ваню, и до сих пор плачу, что не смогу побывать на его могилке...

Тогда, в 1939 году, после свадьбы с Васей, я пришла жить к нему в 15-метровую избу, было нас там шесть человек: мы с мужем, свекровь, да

брат мужа Яша с женой и дочерью. Сам Яша служил в армии вместе с моим братиком Ваней, он Ваню и хоронил, и рассказывал мне потом, как все было.

И вот прожили мы так год, а потом жить стало совсем плохо и тесно. Вася мой работал в колхозе счетоводом, он и попросил для нас какое-либо жилье. Дали комнату, но с тем условием, чтобы у нас размещалась колхозная контора. А мы были согласны на все. Вот соберутся колхозники, накурят, наплюют на пол и уйдут. Я мою, убираю и плачу, а с утра все пошло сначала... Вот так я начинала свою семейную жизнь.

...Отошли мы от свекрови и начали жить: ни чашки, ни ложки, только пуд ржи, а дело идет к весне. С трудом посадили огород и перешли жить из колхозной комнаты в свободную избу Васиного дяди. Тогда же произошел с нами один интересный случай. По соседству от нас жил такой специалист, что мог починить кастрюльку, либо дно в чугунок вставить. У нас с посудой плохо, вот он нам все и починил, даже бесплатно. Мы были рады и благодарны ему за помощь. Но однажды выхожу и вижу на нашей двери такое объявление: «У кого есть дырявый чугунок или кастрюля – несите к Гусарову Василию». Сняла я это объявление, принесла и показала Васе. Стало нам не по себе: со всеми в деревне мы жили дружно, любезно, вроде и нет таких людей, которые могли бы нам сделать эту гадость. Был, правда, один парень – Ваня Антипов, очень богатых родителей, он провожал меня как-то с танцев. Давно это было, когда мы с Васей еще гуляли и как-то поссорились; я тогда какое-то время ходила на танцы одна. Вот этот Ваня Антипов и попросился провожать меня до дома, а потом сделал мне предложение дружить с ним дальше. Но я сказала, что пока еще дружу с Васей. «Ты его брось, и давай со мной». Я отказалась. А потом, когда мы с Васей сошлись, он все не мог успокоиться: бедный женился, а ему, богатому, отказ... Вот он и сообразил с этим объявлением, но все это ерунда, не умно и не солидно. Так поступить мог только злой не советский человек.

Время, как бы трудно не было, бежит да катится, и вот оказалось, что у меня должен быть ребенок. Я не рада этому, потому что Васе моему осенью идти в армию. А он очень рад, в восторге от того, что будет ребенок. Я тогда ему говорю, мол, надо, чтобы был хоть плохонький, но свой угол. Вася согласился с моим мнением и написал заявление в колхоз, чтобы нам продали хоть какую-либо гнилушку. Так и вышло. Продал нам колхоз за 30 рублей старую избушку. Разобрали мы ее, перевезли, надо успеть поставить до осени, осенью Васю в армию возьмут обязательно. И вот мы с ним вдвоем взялись корчевать камни огромные, чтобы сделать фундамент, да повыше. Потом муж подрубил два венца, стали ставить, все вдвоем: я под макушку, он под комель. Колхозники, спасибо им, частями подняли крышу. Настлали полы, надо скорей печку ставить, а кирпичей нет, и купить негде. Стали кирпич делать сами, благо, что у нас такая земля: песок, глина – все рядом. Сделали две тысячи штук, подкупили сто кирпичин на свод, четыре на под. Надо печку класть да денег нет, а без денег кто сложит... У Васиной тетки муж был печник, согласился помочь. Тетка говорит мне: «Отдашь шерстяной платок». К великому счастью я сама вязала платки: большие, белые, с

кистями – такие, как паутинка. Стоило такое изделие сто рублей. Сложили печь, и я с удовольствием отдала платок.

Не могу описать, какая это была радость: иметь свой уголок! Я целовала от радости стены. И вот мы первую ночь переночевали в своем родном углу. На другой день, когда я затопила печь, Васе принесли повестку идти в армию. Мы очень расстроились, я плакала, а на следующее утро поехала с мужем в город: он в райвоенкомат, я в поликлинику, узнать срок, когда мне рожать. Беременность моя оказалась как раз на половине, я получила справку и пошла к военкомату. Подхожу, вижу, идет мой Василий такой веселый, улыбается. Я обиделась: вот, думаю, сейчас расставаться, а он улыбается... А Вася и говорит, что его оставили до особого распоряжения – значит, домой мы поедем вместе. Я поверила не сразу, а потом так была рада, что у меня прибавилось сил на много лет вперед – да, да, это так!

Приехали мы с мужем домой и стали жить счастливо. Но боль далекая в моей душе не умирала. Я знала, что придет час, когда надо будет расставаться. А пока мы посадили огород, завели хозяйство – в общем, все как надо в сельской местности. 15 февраля 1941 года я подарила мужу дочь, назвали ее Людмила. Вася хотел сына, а мне все равно; да и он потом полюбил нашу Люду, даже мама моя удивлялась: никогда не видела, чтобы так любить дочь, как любил Вася. Правда, дочь была очень похожа на мужа, вот она и стала его любимицей.

...Живем, работаем, но уже ходят слухи, что будет война. И вот она началась.

Слезы, горе... Забирали почти всех мужчин. Васе повестка пришла самому последнему. Помню, было раннее утро, я пошла доить корову. Прихожу с молоком, смотрю, сидит моя свекровь. Оказалось, она принесла Васе повестку. Я уронила подойник с молоком на пол и заплакала, и Вася заплакал. Вот и все, кончилась спокойная жизнь. Весь день я собирала мужа в дорогу, ночь проплакали, утром он ушел. Я осталась одна с маленькой дочкой.

Наступил август, так было тепло, тихо. А 20 августа 1941 года в нашу деревню пришли фашисты. Помню, моя мама топила печь, я занималась с дочуркой. И вот смотрю в окно: фашисты на мотоциклах, много-много. Я закричала: «Мама, немцы!» Через несколько минут в избу зашел один из них. Подошел к печке, хотел подкинуть дров. Мама не дала, сказала, что дров там хватает, немец не сопротивлялся. Потом он разделся, повесил сушить мокрую одежду. Я стояла с дочерью на руках, когда немец подошел ко мне. Я отошла и, наверное, была белая от страха. Вдруг маме понадобились яички, и она послала меня за ними в хлев. Яичек я набрала, повернулась выходить, смотрю, у дверей стоит фашист. Я так испугалась, так закричала, даже яйца из рук выронила. В хлеву у нас был поросенок, он лежал, зарывшись глубоко в сено. Когда я закричала, он узнал мой голос и стал выбираться из своей берлоги. Сено зашуршало, зашумело, а фашист, наверное, подумал, что это партизан, да как побежал от страха прочь... Заскочил в дом, одел свой мокрый плащ и ушел. Думаю, если жив остался

этот немец, то долго помнил он моего поросенка. Так вот бывает, что не все спасают люди, спасают и животные при удобном моменте.

Фашисты поселились в нашей деревне, но у нас в доме больше не останавливались, боялись партизан, ведь дом стоял на самом краю, рядом с лесом. Первым делом немцы поставили охрану у колхозных амбаров с посевным зерном. Потом, дня через два, стали уничтожать колхозных пчел, заливать их водой. Было 40 ульев, все растащили. В амбарах, что стояли на берегу реки, сделали колбасный цех. И вот наступил день, когда фашисты угнали наш скот прямо из поля. Было у нас две коровы, не стало ни одной. Это было большое горе, ведь в семье маленький ребенок, а молока нет. И вот я решила идти к фашистам просить, чтобы они вернули хотя бы одну из двух коров. О своем решении рассказала маме, и она со мной согласилась. Я же все обдумала, что фашистам сказать: мол, взамен коровы отдам теленка, поросенка, который меня спас, овцу с ягнятами и птицу – птицы у меня было много. И вот наступил день, когда мы с мамой пошли в Ново-Бридино – там располагался немецкий штаб. Мы очень боялись, но выхода для нас не было. Заходим в штаб, в приемной наш русский переводчик спрашивает: «Что вы хотите?» Я ему объяснила, что, мол, так и так, надо, чтобы вернули хотя бы одну корову. Переводчик пошел в другую комнату, потом вернулся и сказал, что надо прийти завтра. Приходим назавтра, я снова к переводчику, он нас узнал, да и как не узнать: из нашей деревни никто не смел даже подумать, чтобы вернуть свою скотину. Из соседней комнаты вышел немецкий генерал, что-то сказал переводчику, и тот стал печатать какую-то бумагу. Потом подозвал меня, отдал эту бумажку – что там в ней было, я не знаю: все по-немецки. А переводчик сказал, что взамен мелкого скота корову нам вернут и больше отбирать не будут. Потом он сказал что-то немецкому солдату с автоматом, который стоял у дверей. Солдат позвал нас, и мы вышли из штаба. Меня охватил ужас, я подумала, что ему приказали нас расстрелять. Но солдат вел нас с мамой к колхозным дворам, где были согнаны коровы. Когда он открыл двери, перед нами открылась страшная картина: двор был весь забит отобранными у людей животными. Как только мы зашли, скот заревел таким страшным ревом, ведь уже трое суток они стояли голодные. Почти сразу у дверей лежала мамина корова, она нас узнала, хотела встать, но не смогла, упала. Я увидела, что там, где она привязана, выгрызено дерево: от голода коровы грызли доски. Я думала, что это моя смерть, так стало жаль животных. Но солдат спросил, наша ли корова, я показала: да... Он подошел, обрезал ножом веревку и отдал корову мне. Я стала ее выводить, она падала, поднималась, вся колотилась и дрожала, как лист. Потом, видно, животное поняло, что надо идти с нами, собралось с последними силами, и мы еле-еле отправились домой. Шесть километров мы прошли за шесть часов. Корова наша так хотела есть, что хватала землю...

Я знала, что я фашистам пообещала отдать мелкий скот. Но подумала, что этому не бывать, и решила весь скот ликвидировать. Так и сделала. Несколько раз потом к моему дому подъезжала большая крытая машина, но днем на дверях у меня всегда висел замок, и машина уезжала. Домой я с

малышкой приходила только ночевать, и так со страхом жила, наверное, месяца два. Помню, однажды ночью ко мне постучали в дверь. Я испугалась, подумала, что фашисты – а не открывать нельзя, все равно убьют. Спросила, кто там, в ответ тихо-тихо попросили открыть. Их было двое, остановились у порога, спросили, есть ли немцы. Я сказала, что у меня в доме нет, а в деревне много. Гости мои были одеты в гражданское, грязные, голодные, жаль до боли души... Спросили хлеба, я им подала два больших карава и кусок сала, сказала, чтобы приходили еще. Это были партизаны, я потом часто пекла хлеб и отдавала им. Даже мать об этом не знала: они просили, чтобы я никому не говорила. Потом их почему-то не стало. Я все ждала, думала, вот придут за хлебом, переживала, неужели их фашисты поймали... Но они так больше и не пришли.

Однажды я находилась дома, когда в комнату зашли два немца и с ними наш деревенский старик. Фашисты водили его с собой, заставляли рыться в сундуках. Зашел он и говорит: «Маня, прости, я не сам, меня бьют и заставляют...». Стали они рыться, нашли два кусочка туалетного мыла, положили в карман. Потом нашли кашне мужево, тоже забрали, один фашист набросил его себе на шею. Я подумала, какие они крохоборы. А потом немцы спросили, есть ли в доме спички. Я сказала, что нет, но спичек у меня в тумбочке было много. Те спички они, конечно, нашли; кладут в сумку и говорят по-своему: «спичек никс» – мол, соврала, а сами смотрят на меня. Потом один из них подошел, взял меня за рукав, вывел в коридор и поставил лицом к стенке. Стою я с дочуркой на руках и понимаю, что это конец. «Убивайте, - говорю, - сволочи, за меня вам отомстят...» Только попросила, чтобы убивали сразу двоих. Схватила дочь мертвой хваткой, прижала к себе, жду выстрела, а его все нет. Вдруг слышу возню, оглянулась: один наставляет автомат, а другой хватается за него, не дает нас убить. Оказалось, защищал тот, у которого на шее было мужево кашне. Другого, с автоматом, он вытолкнул из коридора, а меня взял за рукав, сказал «ком в хату» и толкнул в дом. Помню, посмотрела я на себя в зеркало – ничего не вижу, и рук развести не могу. Испугалась, что, наверное, задушила я свою милую крошку, а она уже и не плакала, и ручки посинели. Наклонилась я на кровать, чтобы не упасть на пол. Судорога немного прошла, руки разжались, и девочка моя выкатилась на покрывало. Сначала она не шевелилась и никак не могла вздохнуть. Стала я ее трясти, вижу, шевельнулась немножко, потом вздохнула и заплакала... Потом я узнала, что два этих фашиста были из карательного отряда.

Наступила зима, морозы стояли 30-градусные. Немцы ходили по избам и спрашивали, у кого крещеные дети, а у кого – нет. Мол, надо крестить. Моя дочь была некрещеная, а соврать нельзя, и так уже много пережито... И вот Люду мою и еще троих некрещеных детей повезли за 15 километров в город крестить. Малышей мы постарались закутать, зарыли их в сено, но все равно было очень холодно. Приехали в церковь, там тоже холод, а детей надо раздевать догола. Что удивительно, ни один ребенок потом не заболел. Еще удивительней для меня было, что фашисты тоже ходили в церковь, молились,

а сами убивали, жгли, разоряли. Заставляли крестить, чтобы потом убивать крещеных... До сих пор я этого понять не могу.

Были у нас и предатели, старосты да полицейские, которые встречали немцев, готовили им угощение, хозяйничали на селе в дружбе с немцами. Вот осень, надо выдавать хлеб по трудодням. Как и до войны, колхозники сделали ведомость, кому сколько причитается. Ведомость составлял наш деревенский учитель, все как нужно. Но староста решил выдавать хлеб только по едокам. У нас с мужем было 1000 трудодней, а я принесла в мешке за плечами всего пуда два хлеба. Что тут делать? Я спросила учителя, он мне сказал, что надо спрятать ведомости и ждать, когда придут наши, тогда и действовать. Пришли наши, я вынула ведомости и подала в суд на того старосту. Приехали из города три сотрудника НКВД и присудили в пользу меня 20 пудов ржи и 40 мер картофеля. Оказалось, весь колхозный хлеб у старосты был перевезен в свои амбары. Ему потом пришли бумаги явиться в НКВД, и домой он больше не вернулся.

Был и другой предатель, из деревни Журавлево – тот самый Ваня Антипов, который на нашу дверь объявление вешал про дырявые чугуны и кастрюли. Когда началась война, он со всеми ушел на фронт, да потом вернулся. Никто и не знал, что он пришел домой, пока не началась оккупация. Вот тут Иван и проявил себя, сдружился с немцами, как с родными братьями. Ездил с ними по деревням, отбирал муку, мед, сало, одежду получше, тулупы, шубы – в общем, возил домой возами. Это было так страшно, ведь свой парень, как так можно... Люди стали говорить, что вот тут да теперь свой фашист страшнее немца. И это длилось целых полгода. До войны не ладили с Антиповыми две сестры, так Иван донес на них немцам, привязали девок к скамейкам и били до полусмерти. Я тоже боялась, что он припомнит мне мой отказ, но пронесло. Сам он к тому времени женился, его жена Настя ездила с ним и с немцами в санях, одетая в чужие шубы – все веселые, пьяные, хозяйничали, как хотели. А когда подошли наши части, то этот Иван ушел ночью с ними, как будто так и надо. Я часто думаю, где он может быть, если его не расстреляли: домой нельзя – все знают; может, удрал в Америку...

Приближался фронт, начались страшные бои, самолеты дрались в воздухе, все горело, в полнеба стояло зарево. Фашисты бежали большаком, это от нас в трех километрах. Мы боялись, что сожгут нашу деревню, но пронесло, затихло. На другой день пришли наши освободители. Как же мы были рады: обступили их, обнимали, целовали и плакали от радости.

...Мне кто-то из женщин сказал, что на большаке, по которому отступали фашисты, лежит убитый человек в гражданском, и вроде он похож на моего мужа. Я решила пойти посмотреть. Повсюду валялись трупы фашистов. Нашла я того человека в гражданском, голова его лежала прямо на дороге – там, где проходит колесный след. Опознать его по лицу мне не удалось, лица там не было, но руки были целы, а я помнила, что у моего мужа на правой руке большой шрам, получил он его еще в пору нашей дружбы. Пошли мы тогда с ним на танцы, а Вася был уставший, положил под голову колхозные папки с делами да и уснул на скамейке. А мне наказал: как уходить буду,

разбудить его, чтобы вместе идти. Но раньше нравы были строгие, стыдно мне было будить парня, ведь он же мне не муж... Я и пошла с танцев, не разбудив Васю, да еще и песню запела. А голос у меня хороший был, Вася как услышал песню, так и проснулся, видит: я уже на улице, без него ушла. Ударил он рукой по стеклу, ладонь в кровь изранил. Крови много потерял, швы ему потом накладывали, но рука хуже работать стала, да и шрам около большого пальца остался. Из-за этой раны он и на войну позже других попал. ...Взяла руку убитого в свою, вижу, нет шрама – не мой...

Когда пришли наши, мы им показали, где немцы хоронили своих убитых. Рядом с деревней было красивое высокое место, мы называли его Большая полоса, и вот там было сделано немецкое кладбище с березовыми крестами. Наши солдаты поехали, выкопали всех фашистов, сгрузили на машины и отвезли к новым могилам: недалеко от деревни есть у нас потопель бездонная, туда их и бросили.

После освобождения в нашей деревне остановился штаб Калининского фронта. Я устроилась работать в воинскую столовую. Штаб стоял у нас целое лето, а когда уехал, в деревне расположились курсы политсостава. После их отъезда я устроилась на работу в часть НКВД, которая стояла под Торопцем. Все, кто там работал, должны были принять присягу, и я ее перед строем приняла. Проработала я около года, потом часть получила приказ ехать на фронт. Но я осталась, потому что у меня была маленькая дочь. Пока я работала, ее воспитывала моя мама, и сестра Шура помогала.

Отдохнула я немножко и снова пошла работать. На этот раз я устроилась поваром в военный госпиталь, который находился в Ново-Бридине. Колхозные дворы, где фашисты держали наших коров, теперь были чисто выбелены, там сделали нары для раненых, которых было очень много, около трех тысяч. Здесь же располагалась операционная. Помню, как однажды во время тяжелой операции понадобилась кровь, а у меня оказалась нужная группа. Я не задумываясь сдала кровь для нашего солдата, и он выжил.

Писем от мужа не было. Уже потом я узнала, что под Тулой его ранило разрывной пулей в щеку, фашисты подобрали его на поле боя и увезли в Германию. Четыре раза он пытался бежать из плена, но каждый раз его ловили и избивали до полусмерти. Пятая попытка удалась, тогда много пленных ушло, и муж мой с ними. Как он рассказывал, они долго жили в лесу, за пищей ходили в немецкие погреба. А потом их освободили американцы. Муж попал в госпиталь и оттуда прислал письмо, но это было уже после окончания войны.

Мой муж вернулся домой больной, слабый. Я в то время нигде не работала. А у него приступ за приступом. Положила я его в больницу, а там лекарств нужных нет. Доктор мне сказал, что мужа моего надо класть в военный госпиталь, там все есть – а иначе умрет. Что мне делать, обратно горе... Пошла я в военный госпиталь просить, чтобы взяли его лечить. Начальник госпиталя спросил, кто мой муж, я рассказала. Начальник говорит: «Нельзя, он был в плену». Я так плакала, упала в ноги этому начальнику, и он пожалел меня.

Муж пролежал в госпитале девять месяцев. Чтобы всех прокормить, я пошла работать грузчицей на станции, крутилась, как белка в колесе. И вот стал мой муж поправляться, дело уже было к выписке, когда приехал его родной брат. Он тоже побывал у немцев в плену, а потом остался жить в Волынской области, в местечке Ратно. Туда он и брата позвал, а тот согласился. Я ехать отказалась, решила: вот устроится с жильем, вышлет деньги на дорогу – тогда мы с дочуркой и приедем.

Муж уехал, прислал мне раз 180 рублей, и пропал почти на год: ни письма, ни весточки. Оказалось, что там он стал пить, нашел себе другую женщину, и она довела его до тюрьмы. Я ездила на суд, а после суда его посадили. Два года мы с ним в письмах ругались, потом я решила ему не писать. А он вышел из тюрьмы и снова поехал в это Ратно. Ходила я по свету, но я этого света не видела, я думала, свет сошелся клином...

Все прошло, все отболело, как будто и не было того плохого, только все осталось в моей памяти... И вот помню, как после суда, когда его посадили, вернулась я домой, забрала дочь и поехала в это проклятое Ратно. Это был 47-ой год. Страшно там было жить, и черт меня понес к этим бендерам, но я хотела своей дочери отца... Устроилась я на работу зав. сепараторным пунктом, принимала от населения масло, молоко, сливки, отвозила сама за 30 километров на маслозавод. Также в мою обязанность входило ходить по селам, заставляя, чтобы сдавали все государству. Помню, как они меня ненавидели, называли «коммунистка». А однажды я видела своими глазами, как привезли на телеге убитого председателя сельсовета, как кричала и плакала его жена. У нее осталось двое детей, одному год, а другой только родился. И вот она подошла к телеге, где лежал ее муж, его разорвало гранатой, лица было не узнать, и она схватила с телеги окровавленный клочок волос и сунула себе за пазуху. Это рассказать невозможно, и самое страшное, что так умирали люди не на войне, а в мирное уже время. Поняла я, что не смогу там жить, и вовремя оттуда уехала, а мужу моему там почему-то понравилось. Жив ли он сейчас – не знаю. Вот так и закончилась моя с ним судьба.

После Ратно я завербовалась и уехала в Архангельск. Там два года корила бревна. А потом меня пригласила к себе старшая сестра Анна, они с мужем жили в Ленинградской области. Приехала я, а прописки-то нет, пришлось идти дояркой на скотный двор. Потом, как ни трудно было, мне удалось получить постоянную прописку и хоть плохое, но свое жилье.

Моя милая родная девочка подрастала красивая, умная, несмотря на такую нелегкую, особенно для ребенка, жизнь. Она рано пошла работать и училась в вечерней школе. Потом моя Людочка на танцах познакомилась с молодым пареньком, они долго дружили, решили пожениться, но свадьбы не было: мы бедные да и у Юры было много братьев и сестер. Люда сказала, что вот «зарегистрируемся, посидим с родными, да и свадьба вся» – так и было... И вот живет моя доченька с мужем уже много лет, детей вырастили, внуков дождалась. Я за них очень рада, это мне лучшая награда за все те горькие годы, что я прошла своими ногами...

Медведева Мария Николаевна

Родилась я в крестьянской семье в 1927 году. Жили мы тогда на хуторе Осьё Западновинского района. Мой отец Николай Николаевич Цветков окончил всего два класса, но считался человеком умным и пользовался уважением окружающих. Он любил музыку и самостоятельно выучился игре на скрипке. Скрипка висела на стене, и в редкие, свободные от работы вечера, отец снимал её со стены и играл.

Мама Аграфена Ильинична была очень сильной физически, не гнушалась никакой работы: кроме домашних хлопот занималась вместе с отцом заготовкой дров, сена. Поднимала на свои плечи такой воз, что её под ним и не видно было. Помню, как пешком она ходила в Западную Двину продавать мясо. Взвалив на плечи зарезанного накануне барана, она затемно выходила из дома. В тот же день возвращалась домой. Она была неграмотной и не понятно, как она умудрялась вести торг на базаре.

Из детей я была в семье самой старшей, в 1931 году родился брат Николай. Затем один за другим на свет появились мои младшие братья Леонид, Иван и сестра Валя. Всех их нянчила и воспитывала бабушка Дарья, которая жила вместе с нами. Она была матерью моего отца.

Мы любили бабушку, она платила нам тем же.

Мои родители были великие труженики и нас приучили не сидеть без дела. С самого раннего детства мне, как и всем в моей семье приходилось много трудиться. Вместе с отцом зимой заготавливали дрова, приносили из леса колоды для пасеки, занимались огородом, пасли домашний скот.

На хуторе наша семья жила натуральным хозяйством: сеяли рожь, пшеницу, сажали лён. Собирали хороший урожай картошки и овощей, особенно большой вырастала репа, любимое лакомство ребятишек. Из овощей делали заготовки: квасили капусту, солили огурцы.

Зерно мололи на жерновах - делали муку, из льняного семени выжимали масло. На хуторе у нас был прекрасный фруктовый сад, посаженный отцом. В хозяйстве имелась лошадь, корова, держали овец. Была и пасека, отец любил заниматься пчёлами. Однажды маму сильно укусили пчелы. Она вся распухла, и мы боялись, что она умрёт. Её принесли домой, опустили в подвал и обложили землей. Всё кончилось благополучно.

Я не любила слоняться без дела, всегда старалась помочь родителям в их нелёгком крестьянском труде. Помню как-то, мама долго просила отца снять деревянную кадку с чердака хлева, а ему всё было некогда. Тогда я решила сама её достать. Быстренько залезла на чердак, схватила кадку, и в этот момент подо мной провалились прогнившие чердачные доски, и я со всего маху упала в хлев. А кадка так и осталась на чердаке, застряла в том проёме, через который я так быстро попала в навозную жижу.

Однажды мама жала серпом рожь в поле, а я принесла ей кого-то из своих младших братьев. Пока мама кормила ребёнка грудью, я решила поработать жницей и помочь маме. Схватила серп и через несколько мгновений полоснула себе по мизинцу левой руки. Разрез оказался широким, и был

повреждён даже ноготь. Вылечила меня бабушка Дарья. В печурке у неё стояла настойка, сделанная на травах. Она смазывала этим снадобьем мою рану, и скоро всё зажило.

На хуторе кроме нас жило ещё несколько семей, в том числе и родственники отца, его брат и сестра. Семья дяди Гриша жила бедно, перебивались кое-как, и иногда бабушка Дарья, тайком от отца, так как и в нашей семье особого достатка не было, посылала меня с каким-нибудь гостинцем к дяде. Помню, однажды, когда я пробиралась к ним по насту с кринкой молока, я обернулась и, увидев, что отец смотрит мне вслед, от испуга упала и разлила молоко. Отец, конечно, догадывался, что бабушка потихоньку подкармливает семью его брата, но никогда её за это не бранил. Так и в этот раз всё окончилось благополучно.

В школу я вместе с другими хуторскими детьми ходила за несколько километров в деревню Севостьяново. Учительница была строгой, но справедливой. Однажды на уроке за то, что неправильно решила пример, я даже получила от неё линейкой по лбу. Было не больно, но обидно. В один из зимних дней я пошла в школу на лыжах брата Николая, и нечаянно порвала крепление. Когда возвращалась домой, неся под мышкой лыжи, Коля, который шёл в лес за дровами, увидев, что я сделала с его лыжами, не долго думая, дал мне обухом топора по голове. Я не обиделась, понимала, что получила за дело, нельзя без спроса брать чужие вещи.

Во время создания колхозов наша семья переехала в деревню Коротыша. Отец сам сделал к дому пристройку с отдельным входом, чтобы многочисленное семейство смогло в нём разместиться. Мама работала в колхозе, отец несколько лет работал поваром в Западнодвинском военкомате. Перед войной я закончила 5 классов.

Когда началась война, отца сразу же в первые дни забрали в армию. Дома осталась бабушка, пятеро детей и мама, которая ждала ещё одного ребёнка.

С тревогой слушали мы сводки новостей, понимали, что фронт неумолимо приближается. По вечерам было видно зарево со стороны Старой Торопы. Это местные колхозники, чтобы ничего не досталось врагу, жгли то, что не успели вывезти.

Однажды над деревней пролетели три истребителя с фашистской свастикой. Что-то непонятное творилось на противоположном берегу реки Западная Двина: был слышен рёв моторов, какой-то непонятный гул. Прошёл слух, что немцы подошли к реке Западная Двина. Мы поняли, что и к нам пришла война.

Когда я с группой колхозников шла с работы на обед, к нам на лошади подъехал военный и спросил:

- Что за шум слышен за рекой?

- Это немцы. Ищут переправу.

- Сегодня же об этом будут знать в Москве! - И, прищипорив коня, он ускакал в сторону Западной Двины.

На следующий день в лесу вокруг нашей деревни было полно красноармейцев, появились зенитки, срочно подвозились снаряды. Именно

этим солдатам пришлось вести тяжелейшие бои в районе деревень Брод и Севостьяново. Откуда до нас доносилась канонада, были слышны разрывы снарядов, взрывы, вой самолётов, рев танков. Было тревожно, мы понимали, что там идут ожесточённые бои, которые продолжались несколько недель. Наши войска с героической самоотверженностью сдерживали натиск противника, который имел превосходство и в людях, и в технике. Немецкая артиллерия стреляла уже и в сторону Коротыши, правда, снаряды до деревни не долетали, и только один взорвался на улице в самом центре деревни, дома жителей при этом не пострадали. Жители деревни во время обстрела уходили на заброшенные хутора, а когда смолкали взрывы снарядов, возвращались домой.

Вскоре на дороге из Брода стали появляться отступающие красноармейцы, изнурённые непрерывными боями, останавливались на короткий отдых, перевязывали раненых. Мы как могли, старались им помочь, делились скудными припасами.

У одного из них, совсем молоденького солдата, бабушка Дарья спросила:

- Сыночек, скажи, что же там происходит, ведь уже столько времени идут бои?

И он ответил:

- Мамаша, мы поднимаемся в атаку, а с высоты нас косят огнём немецкие пулемёты и миномёты. И в атаку через Двину мы идём по людям, столько народу уже погибло. В реке уже не вода течёт, а кровь людская.

Отступающих с каждым днём становилось всё больше и больше. Однажды большой отряд наших солдат пытался добраться до леса, чтобы выйти на большак, который вёл в Старую Торопу. В это время в небе появились немецкие самолёты-бомбардировщики и несколько истребителей. Это был настоящий ад! Погибли все – и те, кто уже укрылся в лесу и те, кто оставался в открытом поле. Всё было смешано с землёй, с обломками деревьев, с останками человеческих тел.

Перед отступлением наши взорвали склады с неиспользованными боеприпасами. Последними, перед приходом немцев в Коротышу, со стороны Брода в сторону леса пробежало несколько военных в плащ-палатках.

Через день в деревне появилось немецкие велосипедисты. Наверное, это были разведчики, потому что вскоре после них в деревню пришли немцы.

Нас выселили из дома, организовав в нем медицинский склад. А сами стали хозяйничать в доме и на участке. Сразу же пошли на пасеку, подожгли ульи, чтобы улетевшие пчёлы не мешали им собирать мёд.

Мы вынуждены были уйти жить к родственникам.

У нас же перед уходом забрали корову - нашу кормилицу. Для нас это было настоящим горем! Каково же было наше удивление и радость, когда к вечеру она вернулась домой. Вероятно, сумела отвязаться и ушла. А может, извергам было не до коровы, ведь под Западной Двиной шли тяжёлые бои.

А мы ещё долгое время, когда пасли скот, находили на полях, в лесу наших погибших солдат. Старались всех похоронить, установив на могилках примитивные крестики. К, сожалению, не догадывались, что в карманах гимнастёрок находились медальоны с их фамилиями и домашним адресом. Поэтому все они остались безымянными.

Во время оккупации немцы появлялись в деревне редко. Но мы постоянно слышали о зверствах фашистов в других населённых пунктах.

Хорошо помню, как немцы отступали. Шли фрицы быстро, нигде особенно не задерживаясь. И в этот раз в нашем доме поселились немцы. Один из них заставил меня распиливать пилой двухручкой замороженную тушу коровы, которую они привезли с собой.

Ночевать мы с братьями и сестрами опять ушли к родственникам. Дома осталась мама с грудной сестрёнкой Нюрой, которая родилась уже во время войны, и сестрой отца тётёй Любой. Спали они на печке, Нюра с вечера капризничала, долго плакала. И тетя Люба, опасаясь, что их всех могут расстрелять, из-за того, что ребёнок мешает спать, посоветовала маме дать малышке немного самогонки, чтобы та заснула. Ночь прошла спокойно. А утром, когда мама доила корову, в хлев заглянул немецкий солдат и руками изобразил, как качают ребенка, намекая на, то, что ночью им мешали спать.

Деревню немцы покинули быстро, побросав награбленное добро.

А утром в деревне появились наши! Зима 1942 годы выдалась снежной и морозной и первыми в деревню вошли лыжники. Мы встречали их как родных, ведь пришли наши освободители! Радости не было предела, от счастья все плакали, обнимали красноармейцев, как самых близких людей. Мы не знали куда посадить и чем угостить дорогих гостей.

Война продолжалась, стране требовались боеприпасы, и в августе 1942 года молодёжь в возрасте 14-15 лет из нашего и соседних районов Калининской области мобилизовали на работу в Сибирь. Прощание с семьёй было тяжелым. Дома оставалась мама, на руках которой было пятеро детей, младшей, Нюре еще не было года.

Погрузили нас в товарные вагоны, приспособленные для перевозки людей. Ехали долго, 20 суток. За всё время дороги в Сибирь на больших станциях нас несколько раз кормили. Домашняя еда, собранная мамой из скудных припасов мне в дорогу (алюминиевый котелочек с творогом, и немного сухарей), быстро закончилась. А есть хотелось. Иногда на стоянках поезда мы просили у людей, собиравших на полях капусту, самые нижние, остававшиеся на поле зеленые листья, из которых варили себе похлёбку, казавшуюся, нам, голодным подросткам, удивительно вкусной.

В Новосибирске нас распределили по заводам. Я попала на завод № 677, который находился на станции Кривощёково. 13 августа 1942 года я была зачислена в цех №9 на должность сборщицы. Мы делали мины для фронта. Но сначала нас отправили в санпропускник, а затем поселили в бараках, в которых раньше держали заключённых. Спать приходилось на нарах, в таких условиях мы жили около месяца, а потом нас поселили в общежитие. В нашей комнате жило 12 девушек.

К работе на заводе мы приступили на следующий день после прибытия. Я работала в цехе на конвейере. Нам поступали готовые детали для мин, уже начинённые взрывчаткой. Мы эти головки смазывали, заворачивали в пергамент и складывали по 20 штук в алюминиевые банки. Дальше эти детали поступали на конвейер, где работали мужчины, которые эти банки закрывали и складывали в ящики. На ящиках они же с помощью трафаретов делали надписи, и снаряды отгружали на железнодорожную станцию, откуда они уже отправлялись на фронт.

Завод был огромный, занимал несколько гектаров. Работа была опасной, время от времени то в одном, то в другом цехе случались взрывы.

Работали мы посменно: две недели в первую смену, две недели во вторую. Смена длилась 12 часов, один час давался на перерыв. За это время мы успевали быстро съесть полагавшийся нам скудный обед и подремать, положив голову на конвейер. За 3 года работы на заводе у нас не было ни одного выходного. А когда переходили с одной смены на другую – работали почти сутки: 2 часовых перерыва на обед и 22 часа непрерывной работы на конвейере.

Еды, которую нам выдавали, не хватало, есть хотелось постоянно. И ещё хотелось спать. Поэтому мы с подружкой договорились на ранний завтрак ходить по очереди. Например, один день иду я, съедаю полагавшуюся мне ложку каши, выпиваю чай подружки и свой, а ей приношу её порцию каши и кусочек хлеба. А на следующее утро завтракать уходит подружка, а я имею возможность поспать подольше. Так как часов ни у кого из нас не было, иногда, особенно зимой, когда было совершенно непонятно, сколько времени, мы приходили в столовую затемно, когда ещё никого не было, и сторож отправлял нас обратно.

Из дома пришло сообщение о трагической гибели моего брата Лёни. Вместе с ребятами он нашёл в лесу неразорвавшиеся гранаты. Одна из них взорвалась, погибло несколько мальчишек. Моему брату оторвало руку и ногу. Оказать ему квалифицированную медицинскую помощь было некому, и через несколько часов он скончался.

А вскоре с фронта вернулся отец. Он был ранен в руку и его отправили домой на лечение.

Когда в Сибирь пришла весть о долгожданной Победе, нашей радости не было предела. Мы плакали от счастья, что наконец-то закончилась эта проклятая война, что скоро увидимся со своими родными, с которыми мы так долго были в разлуке.

После окончания войны мы собрались ехать домой, но нас не отпустили.

В июле 1945 года нас перевели на завод «Труд» и сначала отправили на работу в подсобное хозяйство. Мы занимались огородом, заготавливали сено, собирали урожай. А в декабре я была зачислена на должность кладовщицы на склад готовой продукции на этом же заводе. Сначала хотели направить меня на учёбу, чтобы я получила профессию токаря. Но, оказалось, что моих 5 классов, которые я закончила перед войной, было недостаточно, чтобы овладеть этой профессией. Когда не было работы на складе, я уходила в

бухгалтерию и помогала её сотрудникам, которые обучали меня азам этой профессии. Работа в бухгалтерии мне понравилась, и это определило выбор моей будущей профессии.

На заводе «Труд» нам стали выплачивать небольшую зарплату, и жить стало легче. Теперь мы могли покупать еду на рынке. Хорошо помню, как у рыночных торговек мы покупали зимой замороженное молоко. Оно продавалась такими кругляшами в форме миски, в которой замораживалось. Приносили его домой, клали в кастрюльку и, разморозив, с удовольствием пили.

Уже шёл 1946 год, война давно закончилась, но домой нас всё ещё не отпускали. А домой хотелось очень, хотелось увидеть родных и близких, помочь им в это тяжёлое послевоенное время. Вскоре на завод пришло письмо, в котором просили отпустить меня домой, так как моя семья была многодетной, и без меня им приходилось туго. На заводе вошли в моё положение, и в июне 1946 года по семейным обстоятельствам я была уволена с завода «Труд».

Вместе со мной уезжали ещё 2 девушки из Западнодвинского района. На вокзале купили билеты, но как оказалось, на них не был указан номер вагона, и в поезд нас не пустили. Тогда мы устроились на площадке между вагонами и какое-то время так и ехали, хотя было очень страшно. А потом вдруг открылась дверь тамбура, в котором ехали какие-то военные, возвращавшиеся с Дальнего Востока, и один из них спросил, почему мы едем таким странным образом. Узнав про нашу беду, обещали помочь, и действительно, они договорились с проводницей, заплатили ей за нас и, когда в Омске они перешли в купе, проводница пустила нас в коридор вагона. Мы расположились напротив купе, которое занимали наши спасители. Так и ехали до самой Москвы. Иногда, когда они не спали, мы могли посидеть на полках в их купе, а ночь опять сидели в коридоре. Всю дорогу они нас подкармливали.

Однажды один из них открыл чемодан, и мы с девчонками увидели, что он весь забит пачками денег. У нас же денег не было ни копейки. В один из дней, возвращаясь из туалета, я нечаянно подцепила ногой какую-то скомканную бумажку, валявшуюся на полу коридора. Подняла её и увидела, что это были деньги. Я поняла, что их потеряли наши попутчики. Вернувшись в туалет, я пересчитала деньги – ровно 200 рублей. За всю свою сознательную жизнь я никогда не брала чужого, родители воспитывали нас честными людьми. Но в данной ситуации, я, не раздумывая, спрятала эти деньги в лифчик, так как понимала – эти деньги наше спасение. И хотя мы были очень благодарны нашим попутчикам за помощь, и, конечно же, я должна была отдать им эти деньги, но... Денег у них и так было много – решила я, а нам, не имеющим ни копейки, они могли пригодиться.

Наконец-то мы добрались до Москвы. Надо было перебираться на Рижский вокзал. Мы, деревенские девчонки, впервые оказались в таком большом городе, и, конечно, растерялись. И опять нам на выручку пришли наши попутчики. Один из них довез нас до Рижского вокзала. И здесь

оказалось, чтобы добраться до дома, нам нужно доплатить за билеты на троих 180 рублей. Вот и пригодились посланные нам Богом и найденные мною в коридоре вагона 200 рублей.

Вскоре я была дома. За время моего отсутствия подросли младшие братья и сёстры, я их с трудом узнала. И они смущенно поглядывали на незнакомую девушку.

Жизнь после войны в деревне была трудной. И нашей большой семье часто приходилось перебиваться с хлеба на воду. Но никакие трудности меня не пугали, ведь я была дома вместе со своими родными. И впереди была вся жизнь.